

ПРАВОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1899 г.

№ 47.

Воскресенье 21 Ноября.

„Право“ издается в С.-Петербургѣ под редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревскаго и при ближайшемъ участіи: Г. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, проф. Л. И. Петражицкаго и В. М. Устинова.

Содержаніе: 1) М. Н. Капустинъ (некрологъ) В. М. Устинова. 2) Начало проекта книги пятой гражданскаго уложенія. Проф. Л. И. Петражицкаго. 3) Краткій очеркъ 25-лѣтней дѣятельности Екатеринбургскаго окружнаго суда. Барона А. А. Медема. 4) По поводу обязательныхъ постановленій о соблюденіи благочинія въ трактирахъ. 5) По поводу статьи Я. К. Городыскаго о выборномъ мировомъ институтѣ Лви. 6) Судебные отчеты. 7) Диспутъ барона М. А. Таубе въ Спб. университетѣ. 8) Хроника. 9) Юридическія общества: I. Петербургское. II. Казанское. 10) Справочный отдѣлъ (на обложкѣ).

РЕДАКЦІЯ (Дмитровскій пер., 6) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 1 ч. до 3 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ—10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Дмитровскій, 6) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Вчера, 20 ноября, въ Общеземъ Собраніи Юридическаго Общества происходило чествованіе 35-лѣтня Судебныхъ Уставовъ. Произнесены были рѣчи К. Е. Арсеньевымъ, М. И. Свѣшниковымъ, В. Д. Спасовичемъ и Н. Я. Фойницкимъ. Эти рѣчи частью доставлены, частью обѣщаны ораторами нашей газетѣ. Появленіе №, посвященнаго этимъ рѣчамъ, мы по возможности ускоримъ.

М. Н. Капустинъ.

(Некрологъ).

Въ лицѣ недавно скончавшагося Михаила Николаевича Капустина отошеть въ вѣчность одинъ изъ послѣднихъ представителей въ Россіи того философскаго, идеалистическаго направленія въ изученіи права, которое извѣстно подъ именемъ школы естественнаго права. Положимъ, покойный ученый воспринялъ такъ называемую гипотезу естественнаго права въ значительно смягченномъ видѣ: онъ былъ далекъ, уже по самому характеру своему, отъ тѣхъ энергичныхъ требованій къ дѣйствительности, которыя извлекали изъ нея такіе англійскіе поборники естественнаго права, какъ Сидней или Локкъ; далекъ отъ горячихъ увлеченій Руссо или фантастическихъ мечтаній Краузе: его скорѣе можно назвать умѣреннымъ послѣдователемъ умѣреннаго Аренса. Но все-таки онъ признавалъ живительную силу и значеніе естественнаго права. „Исключить изъ правовѣдѣнія“,—писалъ онъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ сочиненій—„философскій элементъ или такъ называемое естественное право значило бы лишить его великой научной силы“. Сила эта заключается въ критическомъ отношеніи къ существующему правовому строю съ точки зрѣнія идеальныхъ требованій, ибо „иска-

ніе идеала, по словамъ М. Н. Капустина, становится движущей силой въ области юридическихъ фактовъ“. Поэтому, для него „юридическое положеніе не есть математическая формула“: въ немъ слышится утѣшенное горе, обезпеченный трудъ, счастье семьи, сдержанность произвола, ограниченіе кровопролитія“ (см. актовую рѣчь 1876 г.).

Будучи сторонникомъ естественнаго права, онъ былъ убѣжденнымъ индивидуалистомъ и по мѣрѣ силъ своихъ защищалъ неотъемлемыя природенныя права человѣка. Кодексъ этихъ правъ былъ у него, разумѣется, нѣсколько иной, чѣмъ у его учителей въ Германіи и Франціи. Во главѣ этихъ правъ онъ ставилъ свободу совѣсти, и при защитѣ ея его вообще спокойная рѣчь поднималась до высокаго краснорѣчія. „Понятія о правѣ и о лжи“, говорилъ онъ, „несовмѣстимы одно съ другимъ; любовь и стремленіе къ истинѣ служатъ великой движущей силой духовной жизни, а истина достигается только убѣжденіемъ и вѣрою. Нельзя представить себѣ общества, въ которомъ всѣ члены были бы обязаны понимать истину только въ определенной обязательной формѣ. Свобода отъ такой обязательности, отдѣльность и неприкосновенность духовной области cada-го составляетъ необходимое для всѣхъ равное право, не подлежащее воздѣйствію госу-

дарства“ (Юридическая энциклопедія стр. 227, 1893 г.).

Существеннымъ препятствіемъ къ свободному развитію индивидуальности считалъ онъ принципъ національности. Принципъ этотъ, по его мнѣнію, какъ въ государственной, такъ и въ международной жизни является лишь кликомъ на борьбу и поводомъ къ насилію. „Національность выставляется всегда титуломъ права, когда дѣло идетъ о приобрѣтеніи и господствѣ прямомъ или косвенномъ, но не было примѣра, чтобы поднять былъ вопросъ о ней, когда требуется уступка“ (см. актовую рѣчь 1863 г. о значеніи національности въ международномъ правѣ, стр. 7). „Національности примиряются“, писалъ онъ далѣе, „свободой и самоуправленіемъ; онѣ становятся во враждебное отношеніе вслѣдствіе гнета, преслѣдованій, униженія... Опытъ доказалъ, что свободныя учрежденія страны, политическая равноправность народностей всегда вѣрно ведутъ къ ихъ сближенію“. Поэтому „безполезнымъ насиліемъ окажется дѣйствіе государства, когда оно, видя невозможность сліянія разнородныхъ элементовъ народонаселенія, станетъ сдерживать его механически, однимъ внѣшнимъ гнетомъ“ (тамъ же, стр. 12).

Такое отношеніе къ праву, съ нашей точки зрѣнія, представляется гораздо болѣе плодотворнымъ, чѣмъ безжизненный квіетизмъ исторической школы или эгоистической оппортунизмъ Геринга и его послѣдователей. Какъ въ то темное и глухое время, когда начиналъ свою дѣятельность М. Н. Капустинъ, такъ и въ наше время необходимо освѣжить науку и жизнь свѣжимъ дыханіемъ идеала. Не даромъ начинаютъ уже раздаваться голоса о необходимости возстановить теорію естественнаго права, конструировавъ ее только на новыхъ началахъ.

Идеаль, по вѣрному опредѣленію А. Д. Градовскаго, есть опредѣленное настроеніе нашихъ нравственныхъ силъ. Покойный М. Н. Капустинъ жилъ въ такомъ настроеніи и старался сообщить его своимъ многочисленнымъ ученикамъ. А каждый, кто способствуетъ распространенію этого настроенія, служитъ великому дѣлу приближенія будущаго золотого вѣка торжества справедливости и гуманности, и заслуживаетъ горячую признательность потомства.

В. Устиновъ.

Начало проекта книги пятой гражданскаго уложенія ¹⁾.

Узнавъ изъ ст. 3 Проекта, что онъ избралъ неправильную систему изложенія, мы въ прошлой статьѣ убѣдились далѣе, что этимъ онъ

создалъ себѣ великія затрудненія, и у насъ возникъ вопросъ, ради чего приносятся сіи жертвы.

Въ Объяснительной запискѣ (I стр. 16, 17) мы находимъ по поводу ст. 3 слѣд. указанія:

„Различіе въ способахъ установленія обязательствъ не вліяетъ на существо возникающихъ изъ нихъ послѣдствій. Послѣдствія обязательства всегда одни и тѣ же, независимо отъ того, изъ какого источника оно вытекаетъ. Между тѣмъ, проектъ излагаетъ общія правила объ обязательствахъ съ точки зрѣнія обязательствъ, возникающихъ лишь изъ договоровъ, какъ главнаго источника обязательственныхъ отношеній, послужившаго образцомъ для развитія общихъ началъ обязательственнаго права (Endemann, Einführung, т. I § 97 стр. 411). Поэтому необходимо указать въ особой статьѣ...“ (и т. д.; остальная часть объясненій къ ст. 3 посвящена исключительно настойчивому и убѣдительному доказательству того, впрочемъ, само собою разумѣющагося положенія, что надо предупредить публику объ этомъ, „и тѣмъ предотвратить всякое недоразумѣніе по сему предмету“).

Въ этихъ объясненіяхъ нельзя, конечно, усматривать злого умысла противъ Проекта, но на дѣлѣ здѣсь предлагаются только аргументы противъ принятой Проектомъ системы и притомъ въ слишкомъ общемъ и радикальномъ видѣ, такъ что слѣдуетъ во имя справедливости указать на неправильность этой аргументаціи. А именно, неправильно положеніе, будто причина, „источникъ“ возникновенія обязательства совсѣмъ не оказываетъ вліянія на „послѣдствія“, будто эти „послѣдствія“ „всегда одни и тѣ же“. Если бы это было правда, то тогда отъ всего Проекта камня на камнѣ не осталось бы, онъ бы представлялъ отъ начала до конца одну сплошную нелогичность. На самомъ дѣлѣ „послѣдствія“ въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ способа возникновенія обязательства. Обязательственные послѣдствія деликта отличны отъ обязательствъ, возникающихъ изъ договора или изъ „незаконнаго обогащенія“, разные виды договоровъ ведутъ къ различнымъ послѣдствіямъ, то же относится къ деликтамъ etc. Поэтому нельзя ничего возразить противъ Проекта съ точки зрѣнія системы не только по поводу, напр., того, что онъ въ особенной части (въ двухъ послѣднихъ раздѣлахъ) особо излагаетъ послѣдствія разныхъ видовъ договоровъ, даетъ общія правила о послѣдствіяхъ деликтовъ и спеціальныя для разныхъ спеціальныхъ видовъ правонарушеній и т. п., но даже и по поводу нѣкоторыхъ частей „Раздѣла Перваго“: „Обязательства по договорамъ вообще“, поскольку здѣсь содержатся и положенія, дѣйствительно отвѣчающія этому заглавію. Наше возраженіе гораздо невиннѣе и скромнѣе. Мы только исходимъ изъ того общезвѣстнаго положенія, что

¹⁾ См. „Право“ № 46.

нѣкоторыя нормы имѣютъ общее для всѣхъ обязательствъ значеніе, такъ что ихъ слѣдуетъ выдѣлить въ „Общую часть“, а не приурочивать къ специальному ученію о договорныхъ обязательствахъ.

Далѣе, Объяснительная записка обвиняетъ Проектъ въ желаніи приноровить свою систему изложенія къ исторической послѣдовательности развитія обязат. права, т. е. въ непониманіи смѣсла и значенія системы кодекса, того, что здѣсь слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ принимать во вниманіе. Сверхъ того, съ этой „исторической“ точки зрѣнія система Проекта оказалась бы, такъ сказать, случайной и непослѣдовательной. Если бы требуемыя свѣдѣнія были заимствованы не изъ „Einführung“ Endemann'a, а изъ болѣе подходящихъ для ознакомленія съ исторіей обязательственнаго права пособій, то оказалось бы, можетъ быть, что первое мѣсто въ системѣ обязательствъ права должны были бы занять деликтныя обязательства, которымъ можно было бы развѣть предпослать главу, изображающую въ раздѣлѣ первомъ древнѣйшій періодъ, когда еще обязательства вообще не существовали (пустое мѣсто), а въ раздѣлѣ второмъ тотъ періодъ, когда обязательства только зарождались, начинали кристаллизоваться въ хаосѣ прочихъ юридическихъ и неюридическихъ явленій (свѣтлая точка на сѣромъ фонѣ).

Мы не вѣримъ этому обвиненію и считаемъ его несправедливымъ. Основаніемъ для этого является не только невѣроятность его аргіо, но и нѣкоторыя фактическія данныя, сообщаемыя въ той же объяснит. зап., положимъ, случайно и мимоходомъ, но достаточныя для убѣжденія въ неосновательности подозрѣнія, возбуждаемаго мотивами къ ст. 3. А именно, на стр. 48, 49 Введенія къ объяснит. зап. мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе:

„Редакціонная коммиссія стремилась *привести проекту возможно большую ясность и опредѣленность* (въ текстѣ подчеркнуто) и сдѣлать его доступнымъ для пониманія всѣхъ, даже не юристовъ... Стремленіе къ простотѣ и практичности правилъ выразилось также и въ томъ, что вмѣстѣ съ установленіемъ общихъ началъ указаны и важнѣйшіе случаи ихъ примѣненія и что вообще изъ проекта удалены слишкомъ отвлеченныя обобщенія. Такъ, напр., исходя изъ того практическаго соображенія, что главнымъ источникомъ обязательствъ является договоръ, проектъ, подобно дѣйствующему закону (?), излагаетъ общую часть обязательственнаго права съ точки зрѣнія обязательствъ, возникающихъ лишь изъ договоровъ“.

Отсюда видно, что цѣль отступленія отъ обычной системы изложенія была сама по себѣ вполне рациональная и заслуживающая полного одобренія. Она заключалась не въ изображенія исторіи обязат. права, а въ „приведеніи проекту возможно большей ясности и опредѣленности“.

На этой почвѣ возможенъ и умѣстенъ вполне серьезный споръ, который бы представлялъ стрѣльбу изъ пушекъ по воробьямъ, если бы его направить противъ объясненій къ ст. 3.

Спорить противъ приведеннаго соображенія не только возможно, но и слѣдуетъ для предотвращенія серьезнаго законодательнаго промаха.

Исходить при этомъ спорѣ слѣдуетъ изъ той совершенно правильной посылки, изъ которой исходила и редакціонная коммиссія, изъ требованія „ясности и опредѣленности“ закона.

А именно, слѣдуетъ утверждать, что для рѣшенія этой весьма важной задачи законодательной политики редакціонной коммиссіей избранъ ложный путь, приводящій къ прямо противоположному результату, къ неясности и неопредѣленности создаваемого права.

Изложеніе „общей части обязательственнаго права съ точки зрѣнія обязательствъ, возникающихъ лишь изъ договоровъ“, выставляется во введеніи, какъ примѣръ „удаленія изъ проекта слишкомъ-отвлеченныхъ понятій“.

Конечно, „слишкомъ“ отвлеченныя обобщенія не должны быть терпимы въ законѣ, точно также какъ тамъ не должно быть ничего „слишкомъ“, а въ томъ числѣ и „слишкомъ“ конкретныхъ понятій, „слишкомъ“ пространныхъ и „слишкомъ“ краткихъ положеній, и т. д.; все должно быть не „слишкомъ“, а какъ слѣдуетъ быть. Но положенія, по существу одинаково относящіяся ко всѣмъ обязательствамъ, не дѣлаются „слишкомъ“ отвлеченными отъ того, что мы, сообразно существу, такъ ихъ и отнесемъ ко всѣмъ обязательствамъ; напротивъ, „слишкомъ“ имѣть мѣсто въ томъ случаѣ, если мы ихъ произвольно отнесемъ къ одному какому-либо виду обязательствъ; здѣсь дѣйствительно получается несоотвѣтствіе. Удаленіе изъ проекта „слишкомъ-отвлеченныхъ обобщеній“ слѣдуетъ поэтому разумѣть *cum grano salis*: оно оказывается удаленіемъ надлежащихъ, отвѣчающихъ существу дѣла положеній. Но и слово „удаленіе“ слѣдуетъ разумѣть *cum grano salis*. Если бы эти неточно названныя слишкомъ-отвлеченными, а на самомъ дѣлѣ надлежащія и необходимыя положенія были дѣйствительно „удалены“, то слѣдовало бы такой проектъ отвергнуть, какъ совершенно негодный по существу, а не спорить противъ системы изложенія. Мы споримъ противъ системы потому, что они не „удалены“, а введены въ проектъ, но только не въ томъ порядкѣ изложенія, какъ слѣдуетъ, не прямо и непосредственно, а окольнымъ, осложняющимъ дѣло путемъ. Они выставлены въ видѣ множества статей, поставленныхъ въ надлежащую рубрику системы или и неправильно формулированныхъ, съ предвареніемъ въ ст. 3, что ихъ слѣдуетъ разумѣть такъ, какъ если бы этихъ неадекватностей не было;

подано сотни поводовъ для недоразумѣній и въ видѣ противоядія введена ст. 3, чтобы „предотвратить всякое недоразумѣніе по сему предмету“ (Об. з. стр. 17).

Проектъ, повидимому, желалъ облегчить умственную работу гражданъ, думая, что, вставивъ въ названія главъ (или же иногда и въ самыя статьи) слова „договоръ“, „по договорамъ“ и т. п., онъ достигаетъ большей понятности статей. Почему такія, увеличивающія объемъ (длину) заглавій (а иногда и статей), стало быть—и работу мысли и памяти, добавки, по существу не уясняющія, а искажающія смыслъ статей, облегчаютъ пониманіе статей, это совсѣмъ непонятно, даже если бы не было осложненія, состоящаго въ обратномъ мысленномъ удаленіи этихъ добавленій.

Но главное недоразумѣніе состоитъ въ томъ, будто эта обратная мысленная корректура нарочно введенныхъ неточностей дѣло легкое, и что предупрежденіе въ ст. 3 о необходимости производства этой мысленной работы „предотвратить всякое недоразумѣніе“.

Напротивъ, этимъ весьма осложняется умственная работа, особенно для „не юристовъ“ (но даже и для юристовъ), и создаются поводы для множества недоразумѣній и сомнѣній.

Для поясненія главнаго источника этихъ затрудненій и сомнѣній мы прежде всего должны указать на одну для насъ здѣсь существенную неправильность ст. 3. Эта статья распространяетъ всю массу статей, приуроченныхъ къ „обязательствамъ по договорамъ вообще“ и на „обязательства, возникающія изъ недозволенныхъ дѣяній и другихъ, указанныхъ въ законѣ, основаній, насколько для нихъ въ законѣ не установлено изъятій.“ Это была бы еще сравнительно простая работа, которую привыкшіи къ абстрактному мышленію человекъ, хотя бы онъ и не обладалъ спеціальнымъ юридическимъ образованіемъ, могъ бы при извѣстной внимательности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ исполнить. Но эта статья, введенная для устраненія введенныхъ недоразумѣній, сама основана на недоразумѣніи и ввела бы, въ случаѣ оставленія ея въ теперешнемъ видѣ, новыя недоразумѣнія. Дѣло въ томъ, что первая часть проекта содержитъ не только общія положенія, неправильно отнесенныя къ договорамъ, а и положенія, вполне правильно отнесенныя къ договорамъ; она, какъ уже было указано въ предыдущей статьѣ, представляетъ смѣсь положеній, относящихся по существу ко всѣмъ обязательствамъ, съ положеніями, дѣйствительно относящимися только къ договорнымъ обязательствамъ. Статья 3 упустила изъ виду это обстоятельство и только потому даетъ такое общее и простое предписаніе. На самомъ же дѣлѣ она должна была бы прежде всего предписать мысленную сортировку упомянутой смѣси съ тѣмъ, чтобы часть статей такъ и понималась, какъ она из-

ложена въ проектѣ, остальная же часть подвергалась мысленному исправленію. Вотъ въ этой упущенной изъ виду необходимости сортировки и заключается важнѣйшій и обильнѣйшій источникъ затрудненій и недоразумѣній. О правильномъ исполненіи этой работы въ подлежащихъ случаяхъ со стороны не юристовъ и рѣчи быть не можетъ. Для этого требуются такія свѣдѣнія, которыя въ проектѣ не содержатся, требуется такое цивилистическое образованіе, которымъ не всегда обладаютъ даже тѣ, которые имѣютъ надлежащія дипломы и на основаніи сихъ документовъ или иныхъ соображеній считаютъ себя юристами. Мало того, мы думаемъ, что даже среди дѣйствительно образованныхъ цивилистовъ возникло бы не мало сомнѣній и контрверзъ относительно толкованія разныхъ положеній закона въ виду: 1) смысла этихъ положеній самихъ по себѣ, 2) заглавія и системы, 3) предписанія ст. 3. Но если бы даже и было достигнуто согласіе относительно большинства или даже всѣхъ статей, такъ что въ судебной практикѣ замѣшательства не возникло бы, то и тогда положеніе правопорядка не было бы нормально. Ибо такой порядокъ покоился бы не на законѣ, не означалъ бы осуществленія принципа законности, а доказывалъ бы, что есть какая-то закулисная сила, которая дѣйствуетъ на ряду съ закономъ и устанавливаетъ различія, въ законѣ не указанныя, и тѣмъ, которые учебниковъ римскаго, новогерманскаго или т. п. права не изучали, вообще неизвѣстныя.

Во всякомъ же случаѣ тѣ, для которыхъ предназначень будущій законъ, миллионы гражданъ оказались бы въ виду указанныхъ особыхъ свойствъ закона въ совершенно безпомощномъ положеніи. Откуда имъ знать, какія статьи правильны, а какія слѣдуетъ считать только для „возможно большей ясности и определенности“ закона введенными въ неправильномъ видѣ, такъ что надо ихъ понимать иначе, нежели они изложены или расположены?

Дѣло осложняется еще тѣмъ, что, какъ мы показали въ предыдущей статьѣ, возникавшія на каждомъ шагѣ для самихъ составителей проекта затрудненія на пути между Сциллою системы и Харибдою существа дѣла, не получили въ проектѣ какого-либо однообразнаго во всѣхъ случаяхъ рѣшенія. Напротивъ, проектъ, т. ск., бросается въ разныя стороны, то полагаетъ въ одну крайность, то въ другую, то, наконецъ, путемъ двусмысленныхъ выраженій и намековъ создаетъ кажущееся примиреніе двухъ непримиримыхъ элементовъ.

Что составители проекта разныхъ вредныхъ послѣдствій принятой ими системы не предвидѣли, психологически понятно и извинительно. Они—образованные юристы, знаютъ отлично, какія юр. положенія имѣютъ общее значеніе для всѣхъ обязательствъ и какія слѣдуетъ ограни-

чить областью договорных обязательств; къ тому же они знали, что они именно имѣли въ виду въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Постороннему человѣку такіе промахи легче замѣтить. Особенно убѣдительно могъ бы подтвердить правильность нашихъ общихъ замѣчаній (если бы они оказались недостаточно сильными и убѣдительными, чтобы побудить составителей, можетъ быть, уже издавна свыкшихся съ облюбованною системою, замѣнить ее иною) совершенно посторонній цивилистическому дѣлу человѣкъ—не-специалистъ. Но и безъ такой помощи, поставивъ себя мысленно въ положеніе человѣка, читающаго и толкующаго проектъ на основаніи только того, что онъ въ немъ находитъ, можно было бы убѣдиться, что объ оставленіи теперешней системы рѣчи быть не можетъ.

Поэтому, мы считаемъ лишнимъ заниматься здѣсь накопленіемъ конкретныхъ подтвержденій и примѣровъ возможныхъ недоразумѣній по поводу отдѣльныхъ статей и считаемъ возможнымъ ограничиться приведенными общими указаніями и этимъ закончить вопросъ о системѣ проекта, и eo ipso о статьѣ 3.

Между прочимъ, приведенное выше весьма краткое замѣчаніе введенія, играющее роль обоснованія принятой проектомъ системы, соображаетъ, что составители занимались „удаленіемъ слишкомъ отвлеченныхъ обобщеній“ и въ другихъ областяхъ, что превращеніе общей части обязательственнаго права въ ученіе о договорахъ есть только одинъ изъ примѣровъ примѣненія соответственнаго, болѣе общаго принципа. Мало того, Введеніе, считая, очевидно, приемъ суженія общихъ и отвлеченныхъ началъ гражданскаго права (съ сообщеніемъ о необходимости ихъ обратнаго расширенія) удачнымъ изобрѣтеніемъ законодательной техники, заявляетъ, что „вообще изъ проекта удалены слишкомъ отвлеченныя обобщенія“. Исходя изъ этого вполне общаго и категорическаго утвержденія и принявъ во вниманіе, что здѣсь разумѣтся подъ выраженіемъ „слишкомъ отвлеченныя обобщенія“, можно прийти къ столь же общимъ отрицательнымъ предположеніямъ относительно изложенія началъ гражданскаго права въ проектѣ вообще. Проверку этого утвержденія мы откладываемъ до одной изъ слѣд. статей, чтобы не удаляться слишкомъ отъ нашей первоначальной темы, но уже здѣсь считаемъ долгомъ сообщить, что, къ сожалѣнію, дѣйствительно приемъ „удаленія слишкомъ отвлеченныхъ обобщеній“ былъ примѣненъ въ разныхъ мѣстахъ проекта, независимо отъ рассмотрѣнной выше системы, въ частности пострадала отъ этого и общая, а еще больше особенная часть обязательствъ, но далеко не въ такой степени, какъ можно было бы думать въ виду утвержденія Введенія: общаго и методическаго „удаленія“ не произошло, а дѣло ограничи-

лось лишь спорадическимъ примѣненіемъ новаго приема законодательства и притомъ довольно случайнымъ съ точки зрѣнія выбора предмета соответственныхъ хирургическихъ операций.

Возвращаясь теперь къ первымъ статьямъ проекта, мы должны еще особо указать, что рассмотрѣнныя первыя три статьи его слѣдуетъ зачеркнуть просто, не замѣняя ихъ какими-либо другими статьями аналогичнаго или иного содержанія. Возбужденіе такого вопроса съ нашей стороны можетъ съ перваго взгляда показаться страннымъ, но оно имѣетъ свое особое основаніе, состоящее въ слѣдующемъ:

Статьи 1—3 составляютъ вмѣстѣ особое первое отдѣленіе проекта съ особымъ заглавіемъ: „Общія положенія“, а объяснит. зап. содержитъ, независимо отъ оправданія содержанія отдѣльныхъ здѣсь помѣщенныхъ статей, еще особое общее объясненіе необходимости такого отдѣленія „общихъ положеній“, какъ „введенія въ общую часть обязательственнаго права“ (I, стр. 1 и сл.). Объ этомъ особомъ отдѣленіи проекта упоминаетъ и Введеніе (стр. XLVII), характеризуя его, впрочемъ, не какъ введеніе въ проектъ, а какъ „какъ бы введеніе въ проектъ“:

„Въ началѣ проекта книги V идутъ *общія положенія* (ст. 1—3), служащая какъ бы введеніемъ въ проектъ. Статья первая этихъ общихъ положеній даетъ опредѣленіе обязательства, вторая указываетъ его источники, а третья имѣетъ значеніе лишь переходнаго правила. Такъ какъ проектъ излагаетъ общія правила объ обязательствахъ съ точки зрѣнія обязательствъ, возникающихъ изъ договоровъ, то необходимо было указать въ особой статьѣ...“ (и т. д.—оправданіе необходимости ст. 3, повторяемое еще разъ въ болѣе убѣдительной формѣ на стр. 16, 17 объясн. зап.).

И вотъ, это убѣжденіе въ необходимости особаго отдѣленія „общихъ положеній“ въ качествѣ „введенія“ можетъ повести, въ случаѣ согласія съ нашими замѣчаніями по поводу содержанія отдѣльныхъ статей, теперь заполняющихъ предназначенное для введенія отдѣленіе, къ замѣнѣ ихъ какими-либо другими „общими положеніями“, чтобы все-таки было необходимо введеніе или, по крайней мѣрѣ, „какъ бы введеніе“ въ проектъ. Объяснительная записка ссылается при этомъ на авторитетъ 1 ч. X т., Свода гражд. узаконеній губ. прибалтійскихъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ уложеній и проектовъ, которые тоже „помѣщаютъ во главѣ общей части обязательственнаго права общія положенія“. Сюда относятся Калифорнское и Саксонское гражд. уложенія и Дрезденскій и Баварскій проекты. При семъ оказывается, что содержаніе такого общаго введенія въ этихъ уложеніяхъ и проектахъ различно, что констатируетъ и сама объяснит. записка (стр. 2), не усматривая въ этомъ, очевидно, аргумента про-

тивъ „введенія“ и „общихъ положеній“ и противъ авторитета прецедентовъ:

„Такимъ образомъ, законодательная практика не установила до сихъ подъ объема и содержания положеній, должнствующимъ служить введеніемъ въ общую часть обязательственнаго права“.

Въ пользу отдѣленія „общихъ положеній“ объясн. зап. приводитъ еще и иные доводы. Они, впрочемъ, покоятся отчасти на отсутствіи достаточно яснаго сознанія того, что собственно надо здѣсь объяснять и мотивировать, и въ нихъ смѣшиваются различные вопросы; здѣсь есть и аргументъ въ пользу общей части обязат. права вообще, и соображеніе въ пользу указанія отличительныхъ признаковъ обязательствъ и опредѣленія понятія обязательствъ вообще. Эти объясненія не имѣютъ для насъ значенія; объ опредѣленіи обязательства мы уже говорили выше; общая часть несомнѣнно должна быть (впрочемъ, не вслѣдствіе „чрезвычайнаго разнообразія“ обязательствъ, а, напротивъ, вслѣдствіе наличности массы положеній, общихъ для всѣхъ обязательствъ, такъ что при отсутствіи общей части пришлось бы многократно повторять одно и то же). Болѣе серьезное значеніе и интересъ представляетъ для насъ слѣдующее соображеніе: „Въ 1 ч. X т. содержатся также общія положенія (ст. 568 — 574, 693) и *судебная практика весьма часто пользуется ими*“ (тамъ же). И въ этомъ аргументѣ содержится смѣшеніе различныхъ вопросовъ. Собственно въ пользу того, что требовалось доказать, это соображеніе вообще ничего не говоритъ; это ясно видно уже изъ цифръ: 568—574, 693, которыя указываютъ на статьи, не составляющія одной общей рубрики изложенія, но еще больше подтверждается содержаніемъ цитированныхъ статей 1 ч. X т. Ст. 568—573 не относятся даже къ общей части обязат. права, ибо онѣ относятся специально къ договорнымъ обязательствамъ. Тоже слѣдуетъ казать и о знаменитой въ исторіи кассационной сенатской практики ст. 574, относящейся къ обязат. изъ правонарушеній и находящейся уже въ иной главѣ 1 ч. X т. (Глава шестая „О правѣ вознагражденія за понесенные вредъ и убытки“). Наконецъ, ст. 693 находится въ главѣ седьмой „О правѣ судебной защиты по имуществамъ“ и вообще напрасно попала въ гражданскіе законы, потому что она относится отчасти къ „полицейскому“, отчасти къ процессуальному праву, указывая, что въ случаѣ разныхъ правонарушеній („обидъ“) граждане могутъ прибѣгать къ помощи „полиціи или суда“. Интересно приведенное соображеніе объясн. зап. въ другихъ направленіяхъ:

1. Оно представляетъ типичный образецъ отношенія объяснит. записки къ 1 ч. X т., открывая на стр. 1 длинный рядъ подобныхъ же указаній на авторитетное свидѣтельство 1 ч. X т. въ пользу разныхъ положеній про-

екта, и бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на совершенно непонятныя съ перваго взгляда сообщенія „Введенія“ объ „источникахъ проекта“. Читателя, знакомаго съ содержаніемъ проекта и съ первымъ проектомъ Германскаго гражд. уложенія, весьма озадачиваетъ то обстоятельство, что первый проектъ Германскаго уложенія и мотивы къ нему, послужившіе несомнѣнно весьма важнымъ пособіемъ („источникомъ“), вовсе не упомянуты, а есть только мимоходное указаніе на Германское уложеніе 1896 г. среди прочихъ нѣмецкихъ кодификацій, такъ что этотъ „источникъ“ ступевывается совсѣмъ даже по сравненію съ Калифорнскимъ гражд. уложеніемъ, между тѣмъ какъ на первомъ мѣстѣ въ видѣ основного и главнѣйшаго источника выставлены „общіе законы Имперіи“, и даже сообщается, что проектъ имѣетъ цѣлью лишь воспроизвести дѣйствующее гражд. законодательство въ исправленномъ и улучшенномъ видѣ („Проектъ, безъ дѣйствительной необходимости, не отступаетъ отъ началъ дѣйствующаго права, имѣя лишь цѣлью исправить, дополнить и обновить законъ соотвѣтственно потребностямъ современнаго гражданского оборота“, I, стр. XLI). Это утвержденіе настойчиво повторяется и въ другихъ мѣстахъ, даже въ томъ мѣстѣ введенія, гдѣ совершенно основательно указаны данныя и соображенія, изъ которыхъ видно, что такое отношеніе къ 1 ч. X т. было бы совершенно недопустимо, и которыя вполнѣ оправдываютъ именно прямо противоположное отношеніе проекта къ 1 ч. X т.,—то обстоятельство, что онъ скорѣе похожъ на любое иное изъ многочисленныхъ приводимыхъ въ Объясн. зап. гражд. уложеній, чѣмъ на 1 ч. X т., съ которой у него нѣтъ и сотой доли той общности, какая существуетъ съ другими, указанными на послѣднемъ мѣстѣ, „источниками“. А именно, послѣ указанія на стр. I и II Введенія на общепризнанную „крайнюю“ неудовлетворительность 1 ч. X., здѣсь же на стр. II и III сообщается, что „Комиссія поставила себѣ задачей не сочинить уложеніе“, а... „воспроизвести въ будущемъ гражданскомъ уложеніи т. X. ч. 1 въ исправленномъ и дополненномъ видѣ“. Пожалуй, о „сочиненіи“ нельзя говорить по поводу проекта, но еще меньше можетъ быть рѣчь о воспроизведеніи именно 1 ч. X т. Въ томъ, что объяснит. записка весьма или не весьма стыдливо скрываетъ, заключается главное достоинство проекта. Замѣтимъ здѣсь, кстати, для устраненія возможныхъ недоразумѣній, что эти и слѣд. статьи о Проектѣ предприняты не изъ-за недостатковъ его и не съ разрушительною цѣлью, а ради тѣхъ достоинствъ, которыми онъ обладаетъ и которыя мы своевременно укажемъ. Цѣлью нашихъ статей является указаніе необходимыхъ условій для того, ut negotium convalescere et valere possit. Настоящая статья о началѣ проекта исполняетъ функцію,

„какъ бы введеніи“ къ нѣкоторымъ общимъ критическимъ замѣчаніямъ, которыя будутъ сдѣланы въ дальнѣйшихъ статьяхъ подъ другимъ заглавіемъ и будутъ завершены общими выводами, о томъ „какъ быть?“. Тамъ же будетъ указано, почему необходимо удалить изъ проекта и ст. 4 и 5, а равно и множество другихъ статей.

Приведенная ссылка на ст. 568—574, 693 1 ч. X т. указываетъ на тотъ весьма трудный и тернистый путь, который былъ избранъ для того, чтобы „воспроизвести“ въ проектѣ 1 ч. X т. Та картина примѣненія отчасти грубой силы, отчасти тонкой дипломатіи, съ которой мы познакомились по поводу борьбы системы проекта съ содержаніемъ статей въ предыдущемъ очеркѣ, представляетъ идиллію по сравненію съ той трагедіей, которая разыгрывается въ объясн. запискѣ съ 1 ч. X т.; изображать происходящія здѣсь сцены мы не только здѣсь но и впредь не будемъ, хотя къ объясн. запискѣ и ея общимъ свойствамъ намъ придется еще возвратиться подробнѣе.

2. Приведенная ссылка объяснит. записки, въ особенности указаніе ея на ст. 574 въ связи съ замѣчаніемъ „и судебная практика весьма часто пользуется ими“ не оправдываетъ того, что требовалось оправдать, но бросаетъ извѣстный свѣтъ на нѣкоторыя статьи, разсѣянные въ проектѣ и дѣйствительно дающія будущей „судебной практикѣ“ возможность „часто пользоваться“ ими по своему усмотрѣнію подобно тому, какъ теперешняя кассационная практика пользуется статьею 574 1 ч. X т. Теперешняя практика часто дѣйствуетъ по началамъ „крайней необходимости“, и, можетъ быть, извинительно то, что впредь должно быть сдѣлано не только неизвинительнымъ, но и прямо невозможнымъ по началу законности. Что сознаніе великой важности начала законности и устраненія произвола для государства и общества, въ частности для экономическаго благосостоянія и развитія страны, а равно и сознаніе того, что задачею гражданскихъ законовъ является не доставленіе работы судамъ, а, напротивъ, возможно большее устраненіе поводовъ для такой работы, созданіе ясной, твердой и опредѣленной почвы для мирнаго и дружнаго экономическаго и иного сотрудничества, — не принадлежали къ „началамъ, положеннымъ въ основаніе проекта“, это видно и изъ той части „Введенія“, которая посвящена этимъ „началамъ“, въ особенности изъ „начала“ № 3. Къ этому *существенному* вопросу и въ частности къ приведенному соображенію объяснит. записки съ *этой* точки зрѣнія мы еще возвратимся.—

Какъ бы то ни было, изъ Введенія и объясненій къ „общимъ положеніямъ“ видно, что наша критика теперешнихъ первыхъ статей проекта въ лучшемъ случаѣ явилась бы усѣкновеніемъ одной изъ головъ Гидры, для которой

такая операція не имѣетъ никакого значенія, потому что на мѣстѣ отсѣкаемыхъ появляются новыя головы.

Къ счастью, есть средство предупредить сію опасность, и притомъ за нимъ нѣтъ надобности отправляться не только въ Калифорнію, но даже въ Остзейскій край, ибо это средство весьма простое и такъ сказать домашнее, вездѣ-сущее: не справляясь даже съ мотивами, которыми руководствовались составители Калифорнскаго уложенія, Остзейскаго свода и другіе авторитетные предшественники проекта (этими мотивами не интересуется и объяснит. записка), въ данномъ случаѣ возможно утверждать, что всѣ они совершили логическую ошибку, поскольку дѣло идетъ о помѣщеніи предъ общеою частью обязательственнаго права „общихъ положеній“ объ обязательствахъ, и притомъ въ этомъ заключается логическая ошибка, независимо отъ того, какія положенія отнесены сюда разными предшественниками проекта и самимъ проектомъ, и всегда будетъ заключаться логическая ошибка, сколь бы „общія“ положенія объ обязательствахъ ни выдумали составители проекта для начинки опороженной нами по частямъ, но необходимой, по мнѣнію объясн. зап., рубрики „общихъ положеній“. Ибо нѣтъ и быть не можетъ болѣе общихъ положеній объ обязательствахъ, нежели тѣ положенія, которыя относятся ко всякому обязательству. Изложенію этихъ „общихъ положеній“ въ наукѣ и законодательствахъ принято посвящать т. н. „общую часть“ обязат. права. Если же нѣкоторые составители законовъ объ обязательствахъ сочли возможнымъ и нужнымъ предпослать этой рубрикѣ особую рубрику „общихъ“ нормъ объ обязательствахъ, то они сочли возможнымъ или даже и необходимымъ нѣчто по существу своему логически немислимое—возведеніе общности нѣкоторыхъ общихъ положеній объ обязательствахъ въ квадратъ.

Это несомнѣнно относится и къ тѣмъ „общимъ положеніямъ“, которыя составляютъ теперь предметъ нашей критики (а равно и къ другимъ, о которыхъ рѣчь впереди). Положимъ, первая статья проекта сообщаетъ нѣчто болѣе общее, нежели то, что обще всѣмъ обязательствамъ, а именно, какъ указано выше, она сообщаетъ признаки, общіе всякой юридической обязанности, но дѣлаетъ это она неумышленно, по ошибкѣ. Если же бы она держала правильное опредѣленіе обязательства, то она не содержала бы ничего болѣе общаго, нежели множество другихъ положеній общей части, напр., положенія объ исполненіи обязательствъ въ надлежащее время и въ надлежащемъ мѣстѣ, о возмѣщеніи убытковъ въ случаѣ просрочки или иного ненадлежащаго исполненія или неисполненія, о прекращеніи обязательства въ случаѣ платежа, зачета, совпаденія въ одномъ лицѣ долга и требованія

etc. etc. То же относится къ ст. 2, а что касается ст. 3, то она является двуглавымъ Янусомъ, смотрящимъ сразу на двѣ части проекта, на предыдущія „общія положенія“ и на слѣдующую общую часть обязат. права, но, въ отличіе отъ древняго Януса, выражающую на обѣ стороны одно и то же, а именно укоризну. Въ чемъ она обвиняетъ общую часть проекта, мы уже указали выше. Что же касается „общихъ положеній“, то она даже слишкомъ усердствуетъ въ исполненіи своей обвинительной функции, ибо она неправильно сообщаетъ, что вся слѣдующая часть проекта относится ко всѣмъ обязательствамъ, т. е. что „общія положенія“ выступаютъ съ неосновательными притязаніями на честь большей общности по отношенію ко всей слѣд. части проекта, между тѣмъ какъ это обвиненіе отчасти несправедливо (по отношенію къ тѣмъ статьямъ слѣд. части проекта, которыя, специально относясь къ договорнымъ обязательствамъ, на самомъ дѣлѣ не суть общія положенія обязат. права).

Предыдущія замѣчанія, конечно, не означаютъ какого либо огульнаго порицанія по адресу тѣхъ кодексовъ или отдѣльныхъ специальныхъ законовъ, которые во главѣ всего изложенія или отдѣльныхъ частей имѣютъ особое отдѣленіе „общихъ положеній“. Напр., Судебные Уставы Императора Александра Второго, какъ извѣстно, содержатъ такія рубрики во главѣ отдѣльныхъ уставовъ. Но эти отдѣленія вообще и отдѣльныя ихъ статьи имѣютъ иной характеръ и иное значеніе, нежели „общія положенія“ проекта, и мы бы эти статьи (впрочемъ, не нѣкоторыя „примѣчанія“ къ нимъ) и особенно отдѣленія, какъ таковыя, столь же рѣшительно отстаивали, какъ рѣшительно отстаиваемъ исключеніе отдѣленія „общихъ положеній“ изъ проекта. И составители судебныхъ уставовъ не отправлялись въ заморскія или не столь отдаленныя страны для розыска, чѣмъ въ заполнить такую рубрику, которую чѣмъ-либо заполнить надо, ихъ воодушевляли великіе принципы, и они дали имъ почетное и логически правильное мѣсто въ великихъ законахъ.

Концу XIX вѣка вообще свойственъ обратный ходъ—подыскиваніе содержанія къ рубрикамъ, и нерѣдко къ такимъ рубрикамъ, для которыхъ надлежащаго содержанія и найти нельзя, даже въ мѣстахъ болѣе или менѣе отдаленныхъ.

Л. Петражицкій.

Краткій очеркъ 25-лѣтней дѣятельности Екатеринбургскаго окружнаго суда.

1 сентября исполнилось 25 лѣтъ существованія Екатеринбургскаго окр. суда, открытаго 1 сентября 1874 го-

да предсѣдателемъ его, д. с. с. А. Г. Бутаковымъ, въ томъ же зданіи, въ которомъ онъ и нынѣ помѣщается.

Судъ дѣлится на три отдѣленія: два уголовныя и одно гражданское. Личный составъ суда составляютъ: предсѣдатель суда, 2 тов. предсѣдателя, 11 членовъ суда, ст. нотаріуса, 28 суд. слѣдователей, прокуроръ, 10 тов. прокурора, 6 у. членовъ суда, 9 гор. судей, 11 суд. приставовъ и 15 нотаріусовъ. Изъ чиновъ канцеляріи: 3 секретаря, 9 пом. секретаря, архивариусъ сосредоточеннаго архива и секретарь при прокурорѣ. Чиновниковъ канцеляріи 42. Изъ этого числа 16 состоятъ на гос. службѣ, а 26 служатъ по вольному найму. Повѣренныхъ при судѣ всего 30 лицъ. Изъ нихъ 17 пр. повѣренныхъ, 3 помощниковъ и 10 частн. повѣренныхъ. Но указанный выше составъ суда образовался не сразу. Первоначально, въ 1874 году, Екатеринбургскій судъ былъ судомъ третьяго разряда, открытъ лишь съ двумя отдѣленіями и состоялъ изъ предсѣдателя, одного товарища предсѣдателя, 6 членовъ, 2 секретарей и 5 пом. секретаря.

Такое число судей оказалось недостаточнымъ на другой же годъ существованія суда, причемъ особенно было обременено уголовное его отдѣленіе, а черезъ два года затѣмъ выяснилось, что здѣсь дѣлъ болѣе, чѣмъ въ нѣсколькихъ крупныхъ судахъ 2 разряда—Калужскомъ, Харьковскомъ, Екатеринославскомъ и Пензенскомъ, и лишь на 200—300 дѣлъ менѣе, чѣмъ въ наиболѣе обремененныхъ судахъ 1 разряда—Курскомъ, Одесскомъ и Московскомъ. Въ виду такихъ условий дѣятельности, Ек. судъ началъ энергично хлопотать объ увеличеніи своего личнаго состава, и 3 ноября 1877 года состоялось Высоч. утв. мнѣніе Гос. Совета о прибавкѣ суду цѣлаго отдѣленія, въ составѣ тов. предсѣдателя, 3 членовъ, одного секретаря и 2 пом. секретаря. Но и это число судей было недостаточно по числу возникающихъ дѣлъ, подъ бременемъ которыхъ судъ буквально изнемогалъ, вслѣдствіе чего въ 1882 году судъ началъ новыя хлопоты о прибавкѣ еще новаго отдѣленія, но финансовыя затрудненія министерства не позволили исполнѣе удовлетворить это справедливое ходатайство суда, численный составъ котораго въ 1883 году былъ увеличенъ всего лишь двумя членами и 2 пом. секретаря. Въ 1894 году, съ введеніемъ въ дѣйствіе суд.-административныхъ учреждений въ Пермской губ., численный составъ суда былъ еще увеличенъ назначеніемъ 6 у. членовъ и 9 гор. судей. Нотаріусовъ въ Екатеринбургскомъ судѣ 15, изъ нихъ четверо на Екатеринбургъ съ уѣздомъ, по двое на Нижне-Тагильскій заводъ, Ирбитъ, Камышловъ и Шадринскъ, и по одному на городъ Верхотурье, Кушвинскій заводъ, Верхотурскаго уѣзда, и Крестовскій выселокъ, Шадринскаго уѣзда; но нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ, по неимѣнію желающихъ, въ настоящее время не заняты. Кандидатовъ на суд. должности, со времени преобразования ихъ дѣятельности, въ Ек. судѣ состоитъ отъ 6 до 8 человекъ, причемъ только старшіе изъ нихъ, которыхъ рѣдко бываетъ болѣе 2 лицъ, помогаютъ суду, замѣняя суд. слѣдователей и исполняя другія порученія суда. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на быстрое движеніе и частыя перемѣны въ личномъ составѣ Ек. суда, особенно за послѣднее пятилѣтіе, въ теченіе котораго свыше 30 лицъ изъ дѣятелей Ек. суда получили новыя назначе-

ня, на что особенно влияло открытіе новыхъ судебныхъ учрежденій въ Сибири и въ Туркест. краѣ. И хотя такіа частія передвиженія очень пріятны для суда, указывая на подготовленность и хорошія служебныя качества Екатеринбургскихъ дѣателей, но въ общей дѣятельности суда онѣ невольно оставляютъ неблагоприятный слѣдъ, въ виду частыхъ вакантныхъ мѣстъ, незанятыхъ подчасъ продолжительное время, и необходимости исполненія обязанностей уѣхавшихъ лицъ другими сосѣдними, независимо отъ прямыхъ ихъ занятій, что, конечно, не можетъ не оказать дурного вліянія на общій ходъ дѣла.

Вѣдомство Ек. суда распространяется на пять уѣздовъ Пермской губ.—Екатеринбургскій, Верхотурскій, Камышловскій, Ирбитскій и Шадринскій. Пространство этихъ пяти уѣздовъ обнимаетъ обширную площадь въ 120,306 кв. в., а населеніе его составляетъ 714,902 мужчины и 736,171 женщина, всего 1.451,073 человекѣка. Населеніе Екатеринбургскаго и Верхотурскаго уѣздовъ болѣе чѣмъ на половину занято работами на золотыхъ приискахъ, желѣзныхъ рудникахъ и горныхъ заводахъ, а также въ значительной степени кустарными промыслами и фабричною промышленностью. Ирбитскій и Камышловскій уѣзды скорѣе могутъ быть названы земледѣльческими, хотя часть населенія ихъ, въ видѣ отхожаго промысла, также занята работами на приискахъ и рудникахъ. Шадринскій же уѣздъ носитъ исключительно земледѣльчскій характеръ и считался въ прежнее время житницей Урала; за послѣднее же десятилѣтіе частые неурожаи хлѣбновъ замѣтно повліяли на упадокъ земледѣльческаго промысла, вслѣдствіе чего часть жителей этого уѣзда вынуждена была искать себѣ заработка и средствъ къ существованію въ отхожихъ земледѣльческихъ промыслахъ.

Характеръ занятій и образъ жизни населенія, какъ извѣстно, обусловливаетъ собою количество и родъ преступленій, и сельское хозяйство, въ этомъ отношеніи, наименѣе благоприятно для развитія преступности населенія. Наоборотъ, населеніе заводское и фабричное, особенно на золотыхъ промыслахъ, гдѣ возможна легкая нажива, выдѣляетъ изъ себя немало преступниковъ и притомъ тяжкихъ, посягающихъ на жизнь и здоровье ближняго, эти высшія человѣчскія блага. Поэтому убійства, не говоря уже о различныхъ тѣлесныхъ поврежденіяхъ, далеко не такое исключеніе среди заводскаго населенія, которое обращало бы на себя особое вниманіе. Убійство здѣсь необходимое роковое явленіе, борьба съ которымъ возможна только путемъ распространенія образованія, причемъ большое количество и жестокость этихъ преступленій въ значительной мѣрѣ объясняется самымъ свойствомъ заводскихъ работъ, при которыхъ жизнь рабочаго подвергается массѣ случайностей, заставляющихъ его пренебрегать какъ своею, такъ и чужою жизнью. Преступленія имущественныя, а особенно преступленія противъ нравственности и женской чести, также чаще встрѣчаются среди населенія заводскаго и приискаго, чѣмъ земледѣльческаго, что также зависитъ отъ условій ихъ жизни и совмѣстныхъ работъ. На увеличеніе преступности населенія весьма значительно вліяютъ топографическія условія Пермской губерніи и близость ея къ Сибири съ его ссыльнымъ и бродяжнмъ элементомъ, дающимъ значительный процентъ дѣлъ, особенно по нѣкоторымъ родамъ престу-

пленій. Болѣе 200 тысячъ человекѣкъ или 15% всего населенія, подсуднаго Ек. окр. суду, составляютъ раскольники и старообрядцы различныхъ сектъ и толковъ, а также магометане и язычники (вогулы). Весь этотъ людъ весьма рѣзко отличается отъ остальной массы населенія, какъ своей культурой, такъ воззрѣніями и обычаями, сильно вліяющими на размѣръ и характеръ преступности, состоящей въ зависимости, между прочимъ, еще и отъ того, что Пермская губ. и вообще Зауралье не знала крѣпостнаго права и искони служила мѣстомъ прибѣжища и пріютомъ разнаго рода бѣглецовъ и бродягъ, наложившимъ на нее свой неизбѣжный отпечатокъ.

Переходя къ общему обзору движенія преступности въ районѣ Ек. суда, мы находимъ, что за 25-лѣтній періодъ его существованія судомъ рѣшено 22,959 дѣлъ и судилось по нимъ 30,851 мужчина и 3,398 женщинъ, а всего 34,249 человекѣкъ; среднимъ числомъ на годъ приходится 919 дѣлъ и 1,370 подсудимыхъ. Если не считать 1874 года, въ который судъ дѣйствовалъ всего лишь 4 мѣсяца, а равно и слѣдующаго 1875 года, когда дѣятельность суда не могла еще принять надлежащихъ размѣровъ, колебаніе числа дѣлъ и подсудимыхъ по годамъ будетъ слѣдующее. Наименьшее число дѣлъ—703 и подсудимыхъ—930 было въ 1876 году, наибольшее—1,209 дѣлъ въ 1879 году, большее же число судившихся лицъ—2,003 было въ 1888 году при 1,177 дѣлахъ за этотъ годъ. Начиная же съ 1891 г., наблюдается замѣтное, хотя съ незначительными колебаніями, уменьшеніе преступленій; такъ, съ 1894 по 1898 г. число дѣлъ колебалось между 718 и 777, а число подсудимыхъ между 1,040 и 1,210 лицами, причемъ послѣдній 1898 годъ является наименьшимъ и по числу судившихся. Несомнѣнно, что такое установившееся уменьшеніе преступленій не есть явленіе случайное, а слѣдуетъ приписать возрастающей грамотности и смягченію нравовъ мѣстнаго населенія. Лицъ оправданныхъ по суду, изъ числа судившихся, было 9,526 м. и 1,370 ж., причемъ послѣднихъ въ процентномъ отношеніи въ числѣ оправданныхъ больше, чѣмъ мужчинъ, что объясняется вообще меньшею субъективною преступностью женщинъ и совершеніемъ ими преступленій часто по такимъ побужденіямъ, которыя вызывали собою оправдательные приговоры. Колебаніе процента лицъ оправданныхъ по суду наиболѣе замѣчается за семидесятые и девяностые годы, причемъ наименьшій % оправданныхъ—21 падаетъ на 1877 годъ, а наибольшій—42% на 1897 годъ; въ теченіе же восьмидесятихъ годовъ, когда проявленіе преступности, судя по количеству дѣлъ и числу судившихся, было болѣе, % оправданныхъ подсудимыхъ равнялся 32.

Увеличеніе числа оправданныхъ рѣзко замѣчается въ концѣ настоящаго десятилѣтія и находитъ себѣ объясненіе, между прочимъ, въ томъ, что самый способъ совершенія преступленій, а главнымъ образомъ мотивы преступныхъ дѣяній, пріобрѣтаютъ постепенно, съ теченіемъ времени, характеръ большей человѣчности и свидѣтельствуютъ не столько объ испорченности и опасности для общества лицъ, совершившихъ преступленія, сколько о слабой волѣ и невѣжествѣ ихъ, а также и неблагоприятно сложившихся для нихъ обстоятельствахъ.

Приговоренныхъ къ наказаніямъ за 25 лѣтній пе-

ріодъ насчитывается 20,428 мужчинъ и 1,942 женщины, что по отношенію къ числу судившихся составляетъ для мужчинъ 66%, а для женщинъ 57%.

Распредѣля лицъ, осужденныхъ судебными приговорами, по категоріямъ наказаній, къ которымъ они были присуждены, получимъ, что лицъ обоого пола приговорено:

Къ каторжнымъ работамъ 2,046 или 9% всѣхъ осужденныхъ, къ ссылкѣ на поселеніе 1,728 или 7,7%, къ ссылкѣ на житье 45 или 0,2%, къ отдачѣ въ испр. ар. отдѣленія 8,093 или 36%, къ заключенію въ тюрьму 6,056 или 27,5%, къ аресту 2,795 или 12,5% и прочимъ наказаніямъ 1,607 или 7%.

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что число присужденныхъ въ испр. ар. отдѣленія составляло болѣе $\frac{1}{3}$ всѣхъ приговоренныхъ лицъ, что весьма понятно, такъ какъ этимъ наказаніемъ облагается закономъ очень большое количество законопротивныхъ дѣяній и, между прочимъ, бродяжество, за которое, какъ будетъ указано ниже, въ началѣ дѣятельности суда судилось очень много лицъ.

Изъ 2,046 лицъ, присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ, только 44 лица приговорены къ безсрочной каторгѣ, и вообще назначеніе каторжныхъ работъ значительно уменьшается: такъ, въ 1887 году ссыльно-каторжные составляли 12%, а въ 1898 г. лишь 5% всѣхъ понесшихъ наказаніе, причемъ на 100 мужчинъ приходится лишь 13 женщинъ, а въ среднемъ выводъ на каждый годъ 82 преступника обоого пола.

Исправительная арестантскія отдѣленія были самымъ примѣнимымъ наказаніемъ за истекшее 25-лѣтіе; въ среднемъ присужденныхъ въ арестантское отдѣленіе приходилось на годъ 322 человека, а въ 70-е годы они составляли болѣе половины общаго числа осужденныхъ, затѣмъ число ихъ постепенно уменьшалось, къ концу же девятидесятихъ годовъ не составляло уже и третьей части всѣхъ осужденныхъ лицъ.

Обстоятельство это въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что бродяги, составлявшіе значительное число лицъ, присужденныхъ въ арестантское отдѣленіе и лишь затѣмъ, при неимѣніи свободнаго помѣщенія въ арестантскомъ отдѣленіи, ссылаемые въ Сибирь на водвореніе, съ открытіемъ Сибирской дороги, при побѣгахъ въ Евр. Россію, измѣнили свой прежній излюбленный маршрутъ черезъ Шадринскій уѣздъ по Сиб. тракту, избравъ другой, болѣе южный, и держась линіи желѣзныхъ дорогъ. Вслѣдствіе этого число лицъ, судившихся за бродяжество, рѣзко измѣнилось и, составляя въ 1874 году 71% всѣхъ осужденныхъ лицъ, затѣмъ стало понижаться и къ 1898 году дошло всего лишь до 9%.

По сословіямъ и различію званія число лицъ, осужденныхъ Ек. судомъ за 25-лѣтній періодъ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Дворянъ пот. 98 мужчинъ и 2 женщины; дух. званія 37 м. и 7 ж.; поч. гражданъ 48 м. и 5 ж.; купцовъ 50 м. и 5 ж.; мѣщанъ 1,020 м. и 108 ж.; сельскихъ обывателей 11,894 м. и 1,422 ж.; военнаго званія 1,041 м. и 143 ж.; разночинцевъ 175 м. и 19 ж.; инородцевъ 190 м. и 1 ж.; иностранцевъ 5 м. и 1 ж.; бродягъ и ссыльно-поселенцевъ 5,870 м. и 226 ж.

По возрасту осужденныя лица распредѣляются на слѣдующія группы: отъ 10 до 17 лѣтъ 278 м. и 49 ж.; отъ 17 до 21 года 2,057 м. и 255 ж.; отъ 21 до 50 лѣтъ 15,624 м. и 1,435 ж.; отъ 50 до 70 лѣтъ 2,397 м. и 194 ж.; и свыше 70 лѣтъ 72 м. и 9 ж.

Такое распредѣленіе по возрастамъ вполне понятно. Совершеннолѣтніе, отъ 21 г. до 50 лѣтъ, составляютъ обыкновенно нѣсколько болѣе половины всего населенія, а потому и наибольшій процентъ преступниковъ, естественно, лица этого возраста. Общее же отношеніе несовершеннолѣтнихъ преступниковъ къ взрослымъ составляетъ 13 на 100; но, къ сожалѣнію, за послѣднее время это отношеніе измѣняется къ худшему и число несовершеннолѣтнихъ лицъ, совершающихъ преступленія, въ возрастѣ между 17 и 21 годомъ, значительно увеличивается, а особенно по преступленіямъ противъ здоровья и тѣлесной неприкосновенности, а также противъ женской чести.

Изъ числа осужденныхъ лицъ грамотныхъ мужчинъ 4,860, изъ нихъ 18 получили высшее образованіе, и 146 женщинъ; неграмотныхъ же 15,568 м. и 1,796 ж. Распредѣляя лицъ, осужденныхъ Ек. судомъ, по категоріямъ главнѣйшихъ преступленій противъ вѣры, жизни и здоровья и противъ имущества, находимъ, что дѣлъ первой категоріи было рѣшено 362 или 15 дѣлъ изъ 1,000, причемъ среди нарушителей этихъ постановленій женщинъ было въ $2\frac{1}{2}$ раза болѣе, чѣмъ мужчинъ.

Преступленій же противъ жизни и здоровья совершено гораздо болѣе. Преступленія эти, являясь одними изъ тягчайшихъ, бываютъ обыкновенно рѣдкими проявленіями преступности, почему тѣ мѣстности, гдѣ лишеніе жизни не составляетъ неожиданныхъ исключеній, а насчитывается десятками и даже сотнями въ годъ, обращаютъ на себя особенное вниманіе.

Въ округѣ же Ек. суда преступленія противъ жизни совершаются настолько часто, что ставятъ его на одно изъ первыхъ мѣстъ среди другихъ судовъ. За истекшіе 25 лѣтъ дѣлъ о смертоубійствѣ рѣшено было 2,009, что составляетъ по 80 на годъ, причемъ въ отношеніи всего количества дѣлъ приходится почти по 9%. Число всѣхъ лицъ, судившихся за смертоубійство, составляло 2,264 м. и 834 ж., причемъ % послѣднихъ значительно больше числа мужчинъ и составляетъ почти четверть всѣхъ судившихся женщинъ, что объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что въ эту категорію входятъ дѣла о дѣтоубійствахъ и сокрытіи труповъ незаконнородитыхъ дѣтей. Но еще болѣе число дѣлъ о нанесеніи ранъ и другихъ поврежденій здоровья, которыхъ всего рѣшено 2,475, или въ среднемъ по 97 дѣлъ на годъ; въ отношеніи же общаго количества дѣла этой категоріи составляютъ 11%, и замѣчательно, что количество этихъ дѣлъ постепенно возрастало и къ концу двадцатипятилѣтія стало почти втрое болѣе, чѣмъ вначалѣ, причемъ несовершеннолѣтнія лица по дѣламъ этой категоріи составляютъ пятую часть всѣхъ судившихся и значительно болѣе, чѣмъ по дѣламъ другихъ категорій.

Изъ преступленій противъ имущества, дѣлъ о поджогахъ было рѣшено 597, что составляетъ 24 на годъ или 2% общаго количества дѣлъ, причемъ женщинъ

за эти преступления судилось сравнительно вдвое больше, чѣмъ мужчинъ.

Дѣлъ о разбояхъ рѣшено всего 265 или 11 дѣлъ на годъ, и число судившихся составляетъ немного больше 1% общаго числа. Дѣла этой категоріи значительно уменьшились противъ первыхъ лѣтъ дѣятельности суда, причемъ судившіяся женщины составляютъ самое ничтожное количество, ихъ судилось не больше 2 на годъ.

Дѣлъ о грабежѣ было 1,300 или въ среднемъ по 52 на годъ и число ихъ уменьшилось больше, чѣмъ на половину, причемъ замѣчено, что по дѣламъ этой категоріи судилось значительное число городскихъ обывателей и между ними весьма большой процентъ женщинъ.

Дѣлъ о кражахъ рѣшено 4,461, что составляетъ въ среднемъ 178 дѣлъ на годъ или 19 на 100 изъ общаго количества, что какъ разъ соответствуетъ общему числу дѣлъ о смертоубійствахъ и тѣлесныхъ поврежденіяхъ. Число дѣлъ о кражахъ стало замѣтно уменьшаться обратно тому, что замѣчено выше по дѣламъ противъ личности. Всѣхъ судившихся за кражи было 6,462 м. и 946 ж., причемъ по дѣламъ этой категоріи замѣчается большое количество судившихся магометанъ, кража лошадей которыми составляетъ ихъ специальное преступленіе.

Дѣлъ о мошенничествѣ, присвоеніи и растратѣ было, сравнительно, немного, всего 321 за всѣ 25 лѣтъ, но число ихъ за послѣдніе годы значительно увеличилось. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что число этихъ дѣлъ значительно больше между городскими жителями, и при томъ грамотными, число которыхъ значительно выше здѣсь, чѣмъ въ остальныхъ имущественныхъ преступленіяхъ.

Дѣлъ же остальныхъ категорій было, сравнительно, небольшое число и они не могутъ останавливать на себѣ особаго вниманія.

*Предсѣдатель Екатеринбург. окр. суда
баронъ Медемъ.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

По поводу обязательныхъ постановленій о соблюденіи благочинія въ трактирахъ.

Въ Астрахани произошелъ конфликтъ между городскимъ управленіемъ и губернскимъ начальствомъ, и поводомъ къ конфликту послужилъ вопросъ о трактирной—вокальной и инструментальной—музыкѣ. Вопросъ состоитъ въ томъ: допускать или не допускать превращенія многочисленныхъ въ Астрахани трактирныхъ заведеній и гостинницъ въ кафе-шантаны и кафе-концерты съ хорами пѣсенниковъ и пѣсенницъ, свистуновъ, арфистокъ, гармонистовъ, балалаечниковъ и балалаечницъ, солистовъ на стаканахъ, палкахъ и тому подобныхъ музыкальныхъ инструментахъ, — и отъ какой власти зависить это допущеніе или недопущеніе, кто вправѣ рѣшить и вязать въ этомъ отношеніи? Пререкающіяся стороны заняли въ этомъ вопросѣ позиціи, которыя большинству читателей покажутся нѣ-

сколько неожиданными. Если бы спросить обыкновеннаго читателя газетъ, кто, по его мнѣнію, долженъ былъ заступиться за интересы трактирщиковъ, которые тѣсно связаны съ интересами представителей кунавинскаго искусства и пионеровъ кунавинской цивилизаціи, и кто долженъ былъ взять на себя заботу объ интересахъ общественной нравственности, — то отвѣтъ, по всей вѣроятности, былъ бы такой: разумѣется, городская дума оказалась въ союзѣ съ трактирщиками, потому что наше дѣйствующее городское управленіе покоится на купеческомъ фундаментѣ, а трактирщики и содержатели гостинницъ составляютъ весьма почтенную и вліятельную часть купеческаго сословія; губернская же власть, по самому назначенію своему, стоитъ за общественный порядокъ и благочиніе, для которыхъ трактирно-музыкальное раздолье является угрозой и соблазномъ. На дѣлѣ, однако, вышло какъ разъ наоборотъ.

Въ 1892 году, Астраханская городская дума, обративъ вниманіе на „пагубное, развращающее и разоряющее вліяніе, какое имѣютъ женскіе хоры въ гостинницахъ, ресторанахъ и трактирахъ“, выработала по соглашенію съ полиціймейстеромъ обязательное постановленіе о воспрещеніи допускать въ трактирныхъ заведеніяхъ г. Астрахани музыку и пѣніе, за исключеніемъ самодѣйствующихъ инструментовъ. Въ докладѣ, представленномъ по этому предмету управой, указывалось на то, что въ Астрахани существуетъ доста заведеній трактирнаго промысла, и въ большинствѣ изъ нихъ подвизаются хоры, пѣвицы и т. п., привлекая ловцовъ и другихъ рабочихъ, массами прибывающихъ въ Астрахань для сбыта улововъ и покупки необходимыхъ предметов: „всѣ эти люди увлекаются разгуломъ въ гостинницахъ, куда ихъ привлекаютъ увеселенія, и теряютъ все, что приобрѣли тяжелымъ трудомъ, и возвращаются домой безъ денегъ и безъ припасовъ“. Самыя гостинницы и трактиры, съ введеніемъ въ нихъ женско-увеселительнаго элемента, превратились въ „мѣста разврата“ и не только ночныхъ, но и „дѣлдневныхъ оргій“. Обязательное постановленіе городской думы было утверждено губернаторомъ, опубликовано надлежащимъ порядкомъ, вошло въ законную силу и дѣйствовало, не встрѣчая возраженій, до 1897 года. Въ этомъ году нѣкая г-жа Гроссъ и нѣкій г-нъ Ивановъ подали губернатору прошеніе о разрѣшеніи имъ играть въ гостинницахъ; губернаторъ препроводилъ это прошеніе на заключеніе городской управы, а управа, сославшись на обязательное постановленіе, нашла, что ходатайство не можетъ быть уважено. Тогда губернаторъ увѣдомилъ управу, что, вопреки ея заключенію, онъ дозволилъ просителямъ играть въ трактирахъ и гостинницахъ, по приглашенію содержателей, — дозволилъ на основаніи ст. 12 пол. о тракт. пром. т. XII ч. 2 изд. 1893 г., предоставляющей губернатору дискреціонное право въ разрѣшеніи подобныхъ ходатайствъ; съ изданіемъ этого закона, обязательное постановленіе городской думы о воспрещеніи музыки въ трактирахъ потеряло свою силу. За первымъ разрѣшеніемъ послѣдовали другія, и, спустя годъ, въ астраханскихъ гостинницахъ и трактирахъ водворились прежніе артисты и артистки, изгнанные оттуда думой въ 1892 году. Дума обратилась къ гу-

бернатору съ представленіемъ, въ которомъ отстаивала свое право запрещать трактирные концерты въ видахъ благочинія, и сослалась на ст. 24 полож. о тракт. пром., которая уполномочиваетъ и даже обязываетъ городскія думы составлять обязательныя постановленія о „соблюденіи въ трактирныхъ заведеніяхъ благочинія и благоустройства“. По мнѣнію думы, такъ какъ ст. 24 помѣщена въ главѣ 2 полож., специально посвященной трактирнымъ заведеніямъ въ городскихъ поселеніяхъ, то слѣдуетъ признать, что ст. 12, помѣщенная въ отдѣлѣ „общія постановленія“, касается только трактирныхъ заведеній въ мѣстностяхъ внѣ городскихъ поселеній или въ городахъ, гдѣ не введено городовое положеніе; этотъ выводъ подтверждается и содержаніемъ ст. 24, въ которой прямо указывается, что „въ тѣхъ городскихъ поселеніяхъ, въ коихъ не введено городовое положеніе, постановленія по сему предмету (благочинія и благоустройства) издаются губернаторомъ“.

Представленіе городской думы встрѣтило суровый отпоръ со стороны губернской власти, усмотрѣвшей въ немъ посягательство на свои законныя прерогативы. Думѣ было сдѣлано соответствующее внушеніе и разъяснено, что толкованіе ея относительно ограничительнаго значенія ст. 12 тракт. полож. „не имѣетъ за собою рѣшительно никакихъ основаній. Высоч. утв. 8 іюня 1893 г. полож. о тракт. пром. не заключаетъ въ себѣ рѣшительно никакихъ указаній, чтобы общія его законоположенія были необязательны для городовъ, гдѣ введено гор. полож. Напротивъ, безъ наличности общихъ законоположеній, изложенныхъ въ 1 главѣ, немислимо было бы существованіе трактирныхъ заведеній, ибо ихъ опредѣленіе, признаки и классификація сдѣланы въ главѣ 1 полож. Кроме того, ст. 1 полож. свидѣтельствуетъ, что трактирный промыселъ подчиняется дѣйствию полож. во всѣхъ мѣстностяхъ Имперіи, а слѣдовательно и во всѣхъ городахъ, безразлично—введено или не введено въ нихъ городовое положеніе“. Думѣ предложено было войти съ *ходатайствомъ* о прекращеніи музыки въ трактирахъ. Дума возбудила такое ходатайство, которое было разрѣшено въ удовлетворительномъ смыслѣ; но затѣмъ музыка вновь появилась и дума возобновила ходатайство, которое уже не удостоилось прежняго благосклоннаго приѣма. Наконецъ, въ засѣданіи думы 11 октября сего года, по вопросу объ исполненіи обязательнаго постановленія 1892 г. о воспрещеніи музыки въ трактирахъ, постановлено: принести въ Правительствующій Сенатъ жалобу по поводу дозволенія этихъ увеселеній въ гор. Астрахани съ разрѣшеніемъ г. губернатора.

Оставаясь вѣ сторону бытовую сторону всего этого любопытнаго инцидента и обращаясь только къ выдвинутому имъ вопросу о взаимномъ соотношеніи между постановленіями ст. 12 и ст. 24 полож. о тракт. пром., мы полагаемъ, что ни толкованіе, предложенное городской думой, ни противоположное толкованіе, принятое губернской администраціей, не соответствуетъ вполне дѣйствительному смыслу закона. Съ одной стороны безспорно, что предоставленное ст. 24 городскимъ думамъ наблюденіе за „благочиніемъ и благоустройствомъ“ въ трактирныхъ заведеніяхъ обнимаетъ также и музыкально-увеселительную часть въ этихъ заведе-

ніяхъ, какъ весьма важную отрасль „благочинія и благоустройства“. Въ 1881 г. по поводу подобнаго же конфликта, возникшаго между городской думою и полиціей, Сенатъ разъяснилъ, что „хотя объявленнымъ въ 1866 году Высочайшимъ повелѣніемъ право дозволенія и *воспрещенія* въ трактирахъ музыки и т. п. увеселеній предоставлено было полиціи“, но, за изданіемъ гор. полож., „принятіе для охраненія благочинія и порядка въ публичныхъ мѣстахъ мѣръ, сопряженныхъ съ ограниченіемъ въ производствѣ промысла, можетъ послѣдовать не иначе, какъ въ порядкѣ, установленномъ въ семь полож.“,—а такъ какъ недопущеніе въ трактирахъ хоровъ цыганъ и арфистокъ „естъ безусловно мѣра охраненія благочинія и порядка въ публичныхъ мѣстахъ, сопряженныхъ для трактиросодержателей съ ограниченіемъ въ производствѣ промысла“, то принятіемъ таковой мѣры дума не присвоила себѣ власть, принадлежащую исключительно полиціи (рѣшеніе Правит. Сен. 2 апр. 1881 г. № 3840). Но, съ другой стороны, нѣтъ также основанія ограничивать дѣйствіе общаго положенія, выраженнаго въ ст. 12, только городскими поселеніями, гдѣ не введено городовое положеніе. Такимъ образомъ, между разсматриваемыми статьями оказывается съ виду противорѣчіе. Но противорѣчіе это только видимое, а въ дѣйствительности право, принадлежащее губернатору по ст. 12, и право, предоставленное городской думѣ по ст. 24, между собою вовсе не вступаютъ въ коллизію. Дума, въ силу возложенной на нее обязанности пе- щись о „соблюденіи благочинія и благоустройства“ въ трактирныхъ заведеніяхъ, вправе *воспретить* допущеніе въ нихъ тѣхъ или иныхъ музыкальныхъ увеселеній, такъ какъ подобная мѣра, по приведеннымъ выше словамъ сенатскаго опредѣленія, есть безспорно „мѣра охраненія порядка и благочинія въ публичныхъ мѣстахъ“. Но если дума не воспретитъ этого рода увеселеній или допустила ихъ, то, по силѣ ст. 12, требуется еще разрѣшеніе губернатора для того, чтобы трактирщики могли воспользоваться этимъ способомъ привлеченія посѣтителей. До изданія полож. о трактирномъ промыслѣ городскимъ думамъ принадлежало въ этомъ отношеніи окончательное рѣшеніе, отъ нихъ зависѣло какъ дозволеніе, такъ и воспрещеніе трактирной музыки. Этотъ порядокъ могъ казаться недостаточно обезпечивающимъ интересы благочинія, такъ какъ возможно было опасаться, что содержатели трактирныхъ заведеній, пользуясь вліяніемъ среди городскихъ избирателей, сумѣютъ помѣшать изданію невыгодныхъ для ихъ промысла обязательныхъ постановленій, сопряженныхъ съ ограниченіями въ его производствѣ. Вотъ почему право *дозволенія* музыкальныхъ и иныхъ увеселеній въ трактирахъ, т. е. увеселеній, носящихъ публичный характеръ, законодатель и передалъ исключительно въ руки высшей губернской администраціи, не довѣривъ ея и низшимъ чинамъ этой администраціи,—но этимъ онъ отнюдь не лишилъ городскія управленія права *воспрещенія* такихъ увеселеній, а напротивъ—сохранилъ за ними ихъ прежнія полномочія по соблюденію благочинія.

По поводу статьи г. Я. Городыскаго о выборномъ мировомъ институтѣ.

Въ № 45 Права была напечатана статья г. Городыскаго: „Причины недостатковъ нашего выборнаго мирового института“. То, что г. Городыскій говоритъ о земскихъ выборахъ и о числѣ и значеніи почетныхъ мировыхъ судей, нельзя оставить безъ возраженій.

Я не хочу оспаривать заключительныхъ положеній г. Городыскаго желательности увеличенія срока полномочій избираемыхъ мировыхъ судей и повышенія ихъ образовательнаго ценза, но я не могу не возстать противъ того, что г. Городыскій говоритъ о земскихъ выборахъ, о самихъ выбираемыхъ, и о числѣ и значеніи почетныхъ мировыхъ судей.

Когда графъ Л. Н. Толстой шарфировалъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи „Воскресеніе“ дѣятельность чиновъ общихъ судебныхъ учреждений, судебная магистратура возмутилась и на страницахъ газетъ и журналовъ явились протесты. Но, что же сказать о томъ, что г. Я. Городыскій, на страницахъ юридической газеты, и, повидимому, съ одобренія ея редакціи, обобщаетъ частные, можетъ быть единичные, знакомые ему случаи и на этихъ данныхъ строить обвиненіе противъ выборныхъ судей, дѣятельностью которыхъ мы привыкли гордиться и недостатки которыхъ, тамъ гдѣ они и проявлялись болѣе или менѣе замѣтно, съ избыткомъ покрывались, несомнѣнно, благотворнымъ вліяніемъ мирового суда на поселеніе.

Г. Городыскій укоряетъ земство за избраніе многочисленныхъ почетныхъ мировыхъ судей, причѣмъ замѣчаетъ, что поднося это званіе титулованнымъ особамъ и виднымъ представителямъ бюрократическаго міра, земство не ожидаетъ отъ нихъ активнаго участія въ дѣлахъ мѣстной мировой юстиціи и желаетъ только выразить имъ свое уваженіе. А развѣ этого нѣтъ тамъ, гдѣ почетные мировые судьи назначаются отъ правительства? Посмотрите списки лицъ назначенныхъ почетными мировыми судьями, влѣдъ за открытіемъ Иркутской судебной палаты и вы увидите, что этой почетной должностію награждены и военные и статскіе генералы, съ губернаторами включительно, которые, конечно, никогда не будутъ участвовать ни въ сѣздахъ мировыхъ судей, ни въ засѣданіяхъ окружнаго суда.

Г. Городыскаго возмущаетъ земское избраніе въ почетные мировые судьи какого то торговца. Но въ томъ же спискѣ назначенныхъ почетныхъ мировыхъ судей иркутскаго округа, вы найдете бурята, вся извѣстность котораго, до этого назначенія, ограничивалась продажей крупчатки съ своей паровой мельницы.

Очевидно, въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы между выборными и назначенными почетными мировыми судьями, и упрекать земство рѣшительно не за что.

Перехожу къ выбору участковыхъ мировыхъ судей. Я знаю харьковскую губернію около четверти вѣка и могу утверждать, что ничего подобнаго описанному Я. Городыскимъ, ни въ одномъ уѣздѣ не было. Знаю, — хотя и не такъ хорошо, — сосѣднія губерніи Курскую, Полтавскую и Екатеринославскую и никогда не слы-

халъ ни о чемъ подобномъ. Правда, не всегда и не вездѣ, избранные участковые мировые судьи, — на первыхъ порахъ своей дѣятельности, — бывали достаточно подготовлены къ дѣлу, но это не мѣшало имъ, хотя медленно и осторожно, знакомиться съ судебными уставами и рѣшать дѣла, дѣйствительно, по совѣсти.

Исканіе популярности, до извѣстной степени, бесполезно. Вѣдь мировой судья можетъ популяричить только въ своемъ районѣ, а изъ этого района можетъ и не быть гласныхъ въ земскомъ собраніи, а если и есть, то не больше двухъ-трехъ. Затѣмъ, надо помнить, что при дѣйствіи прежняго положенія о земск. учрежд. (когда выборы мировыхъ судей происходили повсемѣстно), въ составѣ земскихъ собраній находилось почти одинаковое число гласныхъ отъ крестьянъ и землевладѣльцевъ, и тогда не было земскихъ начальниковъ, которые могли бы направлять волю гласныхъ крестьянъ избирателей. Если мировой судья въ цѣляхъ своего переизбранія, могъ занкивать своей дѣятельностью, какъ судья, у землевладѣльцевъ, то тѣмъ самымъ онъ становился бы не любъ крестьянамъ, а безъ ихъ поддержки, онъ никогда бы не получилъ необходимаго большинства голосовъ.

Что касается чиновъ и орденовъ, то я не знаю ни одного мирового судьи, который былъ бы награжденъ орденомъ за отправленіе обязанностей судьи; чины же, сколько мнѣ извѣстно изъ практики, давались мировымъ судьямъ лишь при выходѣ въ отставку, соотвѣтственно числу прослуженныхъ лѣтъ, считая по три года для низшихъ чиновъ и по четыре для высшихъ.

Я допускаю, что г. Городыскій дѣйствительно думаетъ, что „мы находимся наканунѣ совершеннаго устраненія выборнаго начала“, но тѣмъ съ большею осторожностію слѣдуетъ относиться къ такому хрупкому предмету.

Лви.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Правительствующій Сенатъ.

Засѣданіе гр. касс. департамента 10 ноября.

(Окончаніе ¹⁾).

VI.

При публичной продажѣ на удовлетвореніе личныхъ долговъ части общаго имѣнія, состоящаго въ полномъ составѣ въ залогѣ въ кредитномъ установленіи, долженъ ли покущикъ внести въ судъ покупную сумму за исключеніемъ изъ нея всего долга по закладной или же части, соотвѣтственной продаваемой долгу имѣнія (р. 1881 г. № 127).

Въ Моск. окр. судѣ было продано съ публичнаго торго недвижимое имѣніе Сергѣя Никифорова, принадлежавшее должнику на правѣ общей собственности съ Степаномъ Никифоровымъ. Кредитное общество, у коего имѣніе это въ полномъ составѣ заложено въ суммѣ 12,375 р. 95 к., увѣдомило суд. пристава, что долгъ этотъ можетъ быть переведенъ на покущика, по уплатѣ числящейся недоимки въ размѣрѣ 1,725 р. 88 к. Высшую за имѣніе цѣну

¹⁾ См. „Право“ № 46.

14,102 р. предложила мѣщанка Анна Никифорова, которая внесла 1,877 р. Моск. окр. судъ нашель, что на имѣніи Сергѣя Никифорова, находящемся въ обществѣ его владѣніи съ Степаномъ Никифоровымъ, значится долгъ по залогу въ кредитномъ обществѣ 14,101 р. 83 к., половина котораго, падающая на Сергѣя Никифорова, составляетъ сумму 7,050 р. 91 к.; и что Никифорова поэтому должна довести еще 5,171 р. 83 к. на погашеніе остальной покупной суммы до суммы 14,102 р., такъ какъ нельзя допустить такого положенія, чтобы весь долгъ кредитнаго общества былъ бы переведенъ на половину купленнаго ею, Никифоровою, имѣнія, послѣдствіемъ чего было бы освобожденіе другой половины того же имѣнія, принадлежащей Степану Никифорову, отъ того долга, и кромѣ сего кредиторы Сергѣя Никифорова лишились бы вовсе удовлетворенія по своимъ къ нему претензіямъ. Посему судъ предоставилъ Никифоровой внести 5,171 р. 83 к. въ мѣсячный срокъ.

Апелляціонная жалоба Никифоровой оставлена Моск. суд. палатой безъ послѣдствій. Въ кассационной жалобѣ Никифоровой указывается, что ни судъ, ни палата не обратили вниманія ни на публикацію о продажѣ (1147 ст. уст. гр. суд.), ни на торговый листъ (1151 ст. уст. гр. суд.), въ коемъ должны быть обозначены, какъ продаваемое имѣніе, такъ и цѣна, съ которой долженъ начаться торгъ, а равно числящаяся на продаваемомъ имѣніи недоимки.

Прав. Сенатъ опредѣлилъ: просьбу повѣреннаго Анны Никифоровой, за силою 793 ст. уст. гр. суд., оставить безъ послѣдствій.

VIII.

Въ случаѣ представленія, на основаніи 1111 ст. уст. гр. суд., должникомъ документовъ: а) о принадлежности ему, на правѣ собственности, недвижимаго имѣнія, на которое по 1095 ст. того же устава обращено взысканіе, и б) о сдачѣ того имѣнія лишь въ арендное владѣніе третьему лицу, вправѣ ли это третье лицо, ссылаясь на свое фактическое владѣніе тѣмъ имѣніемъ и указывая на фиктивность представленнаго къ описи онаго документовъ о переходѣ къ должнику отъ него, третьяго лица, правѣ собственности на то имѣніе и о сдачѣ такового ему въ аренду—требовать, въ порядкѣ обжалованія дѣйствій судебного пристава, по 1202 ст. приведеннаго устава, освобожденія того имѣнія отъ описи и продажи, или же лицу этому надлежитъ предъявить по означенному предмету ходатайство въ исковомъ порядкѣ и доказывать принадлежность ему того имѣнія на правѣ собственности?

Эськина обратила взысканіе по исполнительнымъ листамъ на домъ должника мужа ея, Лейзера Эськина. Судебный приставъ, на основаніи представленныхъ документовъ и распроса сосѣдей, пришелъ къ заключенію, что Эськинъ домомъ никогда не владѣлъ, а владѣлъ таковымъ Таймановъ, почему и отказался подвергнуть описи домъ. По жалобѣ взыскательницы непр. членъ сѣзда, принявъ во вниманіе, что суд. приставъ не имѣлъ основанія входить въ обсужденіе вопроса, кому принадлежитъ домъ и допрашивать свидѣтелей, что Таймановъ, считая описываемое имущество Эськина своимъ, могъ предъявить искъ въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ, руководствуясь ст. 1134, 1197 и 1202 уст. гр. суд., призвалъ дѣйствія судебного пристава неправильными и предписалъ произвести опись дома. Частная жалоба Тайманова на это опредѣленіе оставлена сѣздомъ мир. судей безъ послѣдствій.

Прошеніе Тайманова объ отмѣнѣ опредѣленія сѣзда оставлено Пр. Сенатомъ, за силою 186 ст. у. гр. суд., безъ послѣдствій.

IX.

Разъясненія Правительствующаго Сената въ рѣшеніи 18 марта 1892 г. по дѣлу Ходееваго (сб. рѣш. 1892 г. № 66) о непримѣнимости ст. 631—640 уст. гр. суд. къ случаямъ обращенія взысканія на слѣдующіе должнику платежи въ видѣ задѣльной платы, должны ли быть распространяемы и на случаи обращенія въ этомъ порядкѣ взысканія на поденную плату?

Правленіе завода т. с. Ратькова-Рожнова отказалось удерживать изъ жалованья работающаго на заводѣ Смирнова на удовлетвореніе взысканія по исполнительному листу, выданному Александровой, на томъ основаніи, что Смирновъ работаетъ поденно. Послѣ этого Александра предъявила искъ къ Ратькову-Рожнову о взысканіи съ него слѣдующихъ ей по исполнительному листу денегъ. Мир. судья, выяснивъ, что Смирновъ работаетъ поденно, отказалъ въ искѣ.

По ап. жалобѣ истицы мир. сѣзды нашель: 1), что наложеніе ареста допускается на такіе платежи которые, въ силу заключеннаго должникомъ условія или акта, ему въ самый день наложенія ареста дѣйствительно уже причитались къ полученію отъ третьяго лица въ имѣющіе наступить опредѣленные условіемъ сроки,—такіе именно платежи, полученіе которыхъ обуславливается единственно наступленіемъ срока и сумма которыхъ можетъ быть, на основаніи заключеннаго условія, опредѣлена съ точностью при самомъ наложеніи ареста (рѣш. гр. касс. деп. 1892 г. № 66) и 2) что къ числу такихъ платежей нельзя отнести поденную плату, размѣръ которой не можетъ быть опредѣленъ заранѣе, а зависитъ отъ числа дней, употребленныхъ на работу, и вообще подверженъ колебаніямъ. А потому сѣзды, рук. 81, 102, 105 и 129 ст. уст. гр. суд., утвердилъ рѣшеніе мирового судьи.

Кассационная жалоба Александровой оставлена Пр. Сенатомъ, за силою 156 ст. уст. гр. суд., безъ послѣдствій.

Хроника.

Пр. Сенатъ разъяснилъ, что гор. думамъ не возбраняется, за удовлетвореніемъ всѣхъ признаваемыхъ для гор. общ. управленій обязательными потребностей, употреблять городскія средства и на предметы, хотя бы необязательные для городскихъ управленій, но тѣмъ не менѣ относящіяся къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ и непротивныя существующимъ законамъ. **Выдача наградъ лицамъ, служащимъ въ городскихъ правленіяхъ**, за ихъ труды въ пользу города, должна быть отнесена къ расходамъ на нужды мѣстнаго населенія, причемъ гор. общ. управленіемъ разрѣшается при исполненіи смѣты расходовать кредитъ, назначенный по каждому § оной на предметы, по существу своему къ этому § относящіяся. (Указъ 8 ноября № 11310).

Указомъ 8 ноября за № 11309 Пр. Сенатъ вновь подтвердилъ, что, принявъ за основаніе исчисленія **оклада оцѣночнаго сбора** одинъ изъ указанныхъ въ ст. 129 гор. пол. признаковъ, т. е. доходность или стоимость имущества, гор. дума не вправѣ привлекать

къ обложенію однородныхъ городскихъ имуществъ по другому признаку.

Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что хотя, на основаніи Высочайше утвержденнаго 11 іюня 1891 г. мѣнія Государственнаго совѣта, производство **пособія казнѣ изъ средствъ городовъ сѣверо-западнаго края** на содержаніе приходскихъ училищъ отнесено къ обязательнымъ для сихъ городовъ расходамъ, но, тѣмъ не менѣе, обязанность эта можетъ быть возложена на города лишь относительно тѣхъ пособій, которыя производились отъ имени всего городского общества, выполненіе же обязательства, принятаго на себя однимъ сословіемъ, хотя бы съ утвержденія губернскаго правленія, не можетъ быть возложено на городское общество въ его цѣломъ. (Указъ 8 октября 1899 г. № 11308).

Министерство внутреннихъ дѣлъ въ непродолжительномъ времени приступить къ пересмотру существующихъ **положеній упрощенныхъ городскихъ управленій**, которыя предполагается значительно дополнить. (С. О.).

Вслѣдствіе жалобы члена Иркутской комиссіи по устройству народныхъ чтеній А. А. Корнилова на распоряженія учебнаго начальства, Пр. Сенатъ, указомъ 29 октября с. г. за № 9974, разъяснилъ, что согласно точному смыслу 394 статьи уставовъ учебныхъ заведеній (сводъ законовъ т. XI ч. I, изд. 1893 г.) къ **публичному чтенію для народа**, кромѣ духовныхъ лицъ и преподавателей правительственныхъ учебныхъ заведеній, допускаются и другія лица, лишь бы они были признаны съ стороны учебнаго и губернскаго начальства благонадежными причемъ эта благонадежность должна быть устанавливаема по отношенію къ каждому такому лицу въ отдѣльности; распоряженіе же о недопущеніи къ народнымъ чтеніямъ всѣхъ вообще лицъ, не принадлежащихъ къ числу казенныхъ училищъ и священнослужителей, признано Правительствующимъ Сенатомъ неправильнымъ и несогласнымъ съ закономъ. (В. Об.)

Недавно г. Астраханскій губернаторъ, пригласивъ къ себѣ повѣткой для объясненій по дѣламъ службы городского голову съ полнымъ составомъ думы, членами управы и секретаремъ, обратился къ прибывшимъ съ такою рѣчью:

Прошу извиненія, господа, что побеспокоилъ васъ явиться ко мнѣ. Въ сущности я могъ бы ограничиться приглашеніемъ для настоящаго объясненія лишь городского головы и членовъ управы, но я призналъ необходимымъ видѣться съ вами, тѣмъ болѣе, что мнѣ не приходилось обращаться ко всѣмъ вамъ лично, а лишь черезъ другихъ лицъ, причемъ нерѣдко, я не утверждаю, что умышленно, моимъ желаніямъ и мнѣніямъ придавался невѣрный смыслъ. Я созвалъ васъ съ тѣмъ, чтобы чистосердечно высказать все накопившееся у меня на душѣ противъ васъ неудовольствіе.

Приглашая васъ, я думалъ было обратиться къ вамъ съ угрозою, но потомъ передумалъ, такъ какъ не въ моемъ характерѣ и не въ моихъ привычкахъ поступать такъ. Благодаря моему долгому опыту, я знаю, что добромъ и убѣжденіемъ можно скорѣе и вѣрнѣе достигнуть желаемыхъ результатовъ, и потому я рѣшилъ забыть всю горечь обидъ и, миролюбиво высказавъ вамъ все, забыть всѣ ваши проступки противъ меня. Господа, я здѣсь 4 года. Въ теченіе этого времени вы меня въ моихъ начинаніяхъ по благоустройству и благополучію города не слушаете меня, мѣстнаго представителя царской власти. Отношеніе ко мнѣ городскихъ представителей особенно ухудшилось за послѣднее время: такъ, почти всѣ мои предложенія городская дума отклоняетъ, конечно, я не хочу сказать, что вся дума въ полномъ ея составѣ, но мнѣ оказываютъ противодѣйствіе 3—4 лица, которыя высказываются всегда противъ моихъ предложеній, а большинство идетъ за ними. Мало того, оппозиція обзавелась своимъ органомъ печати—это „Астраханскій Вѣстникъ“, редактора котораго я тоже пригласилъ сюда; но пусть г. Длинбергъ не беспокоится, ни противъ него, ни противъ его газеты не будетъ принято никакихъ репрессивныхъ мѣръ. „Астраханскій Вѣстникъ“, несмотря на мое гуманное отношеніе къ печати, умышленно, говорю, не только умалчиваетъ объ Астраханскомъ губернаторѣ, но моимъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ придаетъ невыгодный для меня смыслъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ мною будутъ указаны факты. Будучи въ Царевѣ мнѣ пришлось читать въ столичныхъ газетахъ телеграммы изъ Астрахани, облетѣвшія всю Европу, о пребываніи въ Астраханской губерніи Его Высочества Принца Ольденбургскаго, причемъ въ телеграммахъ этихъ не было упомянуто, что Принца сопровождалъ я. Телеграммы эти были даны г. Длинбергомъ, такъ какъ онъ состоитъ мѣстнымъ агентомъ „Россійскаго телеграфнаго общества“. Затѣмъ, въ отчетахъ той же газеты „Астраханскаго Вѣстника“ о пребываніи Принца въ Астрахани также совершенно умолчено, что Принцъ удостоился посѣщеніемъ мою квартиру, навѣстивъ въ ней мою супругу, съ которой вмѣстѣ ѣздилъ осматривать дешевую столовую благотворительнаго общества; но въ то же время было подробно указано о посѣщеніи Его Высочествомъ гор. думы, хотя посѣщеніе это вышло совершенно случайно, такъ какъ Принцъ не предполагалъ посѣщать думы и я не знаю, какимъ образомъ могла получиться ошибка въ телеграммѣ, въ которой должно было быть сказано, что Принцъ посѣтитъ архіерея въ городскомъ домѣ. Но я узнавъ, что дума ожидаетъ Принца, просилъ Его Высочество не отказать въ своемъ посѣщеніи ея, чтобы не обидѣть думы. По поданной же мною телеграммѣ о желаніи принца объ устройствѣ ночлежныхъ барраковъ и дешевыхъ столовыхъ гор. дума не исполнила этого желанія. При этомъ я долженъ сказать, что пребываніе Его Высочества въ губерніи произвело самое хорошее впечатлѣніе, которое было омрачено городскими представителями, именно безтактною подачею двухъ записокъ о субсидіи городу и о набившемъ всѣмъ оскомину вопросѣ о лѣвобережной дорогѣ. Я же старался смягчить неудовольствіе принца. Что же ка-

сается до моих отношеній къ городскимъ цѣлямъ, то я укажу на дѣло постройки трамвая, въ защиту котораго городскими представителями столько ломалось копій, и все-таки на молебствіи, бывшемъ по случаю закладки зданія трамвая, присутствовалъ я, и наоборотъ не было никого изъ представителей города.

Не могу не указать, что не только при отъѣздѣ моемъ въ нынѣшнемъ году въ отпускъ никто изъ представителей города не явился меня проводить, но даже по возвращеніи моемъ изъ Царева, послѣ столь тяжкаго подвига, я не былъ встрѣченъ кѣмъ либо изъ городскихъ представителей. Не сомнѣваюсь, что въ другомъ городѣ губернатора, сдѣлавшаго для края то же, что было сдѣлано мною во время 51-дневнаго пребыванія въ Царевскомъ уѣздѣ, встрѣтили бы съ хлѣбомъ-солью; никакихъ отговорокъ въ томъ, что мой пріѣздъ не былъ извѣстенъ, принять не могу, такъ какъ стоило лишь пожелать, и объ этомъ можно было узнать и по телефону, и по телеграфу. Вы могли бы еще исправить свою ошибку, посѣтивъ, по моему приглашенію, бывшее вчера торжество по случаю трехлѣтняго существованія пріюта прокаженныхъ, учрежденія столь дорогаго моей женѣ и осуществленнаго при вашемъ же содѣйствіи, но всѣ представители города отсутствовали, за исключеніемъ Н. К. Фонова.

Въ заключеніе я долженъ опять сказать вамъ, что по своему характеру и привычкѣ, добытой годами, — мнѣ уже 56 лѣтъ, — да и думаю, что надо себя пожалѣть, я не стану прибѣгать ни къ угрозамъ, ни къ какимъ либо репрессивнымъ мѣрамъ, хотя бы я и могъ по отношенію къ городскимъ представителямъ, но оставаясь такимъ же гуманнымъ и безпристрастнымъ въ городскихъ дѣлахъ, я буду надѣяться, что городскіе представители изменятъ свое настоящее отношеніе ко мнѣ, буду терпѣливо ждать этого до открытія навигаціи будущаго года; если же къ этому времени отношеніе не изменится, то я буду вынужденъ поѣхать въ Петербургъ, обратиться къ г. министру внутреннихъ дѣлъ, Государю Императору и сказать, что я не могу служить здѣсь, переведите меня въ другую губернію, хотя вѣроятно вся Астраханская губернія и пожалѣетъ объ этомъ, но зато въ другомъ мѣстѣ скорѣе оцѣнятъ меня; причѣмъ скажу, что вѣра въ то, что съ людьми можно достигъ большаго не угрозой, а добромъ, не уничтожится во мнѣ. Я чистосердечно высказалъ вамъ все, что наболѣло у меня на душѣ; прошу извинить за беспокойство, затѣмъ до свиданья“.

При настоящемъ объясненіи г. губернатора присутствовалъ вице-губернаторъ.

8 ноября въ Харьковскомъ окр. судѣ, съ участіемъ пр. засѣдателей, подъ предсѣдательствомъ тов. предсѣдателя А. Н. Кривцова слушалось дѣло по обвиненію молодой замужней женщины Шевченковой въ кражѣ у своей родственницы **паспорта**. За проживание по этому паспорту Шевченкова приговорена уже судомъ къ 3-хъ мѣсячному тюремному заключенію; теперь же ей приходилось отвѣтствовать только лишь за кражу этого паспорта.

Поддерживая въ общихъ чертахъ обвиненіе противъ подсудимой, товарищъ прокурора В. И. Сокальскій провѣлъ ту мысль, что въ данномъ дѣлѣ правда юридическая расходится съ правдою житейскою: вѣдь,

паспортъ самъ по себѣ только клочекъ бумаги, который получаетъ смыслъ тогда, когда имъ пользуются, какъ документомъ; слѣдовательно, кража паспорта безъ пользования имъ не имѣетъ смысла, и можетъ быть — съ житейской точки зрѣнія будетъ справедливѣе видѣть въ дѣйствіяхъ Шевченковой не два преступленія, а одно, которое осуществилось въ проживательствѣ по чужому паспорту и за которое она уже осуждена.

Въ резюме своемъ товарищъ предсѣдателя А. Н. Кривцовъ замѣтилъ, что онъ не можетъ согласиться въ данномъ случаѣ съ мнѣніемъ своего почтеннаго товарища. Кража паспорта предумотрѣна 1657 ст. улож. о нак. Хотя паспортъ дѣйствительно не имѣетъ цѣнности, но лицо, которое совершаетъ эту кражу, можетъ имѣть въ виду месть или что либо иное, благодаря чему владѣлецъ паспорта, какъ неимѣющій документа, можетъ понести наказаніе.

Пр. засѣдателя послѣ минутнаго совѣщанія вынесли обвиняемой оправдательный вердиктъ. (Ю. Кр.).

30 октября изъ Лукояновской тюрьмы бѣжалъ осужденный на 15-лѣтъ въ каторжныя работы, арестантъ Тарасовъ. Побѣгъ былъ совершенъ чрезъ каменную стѣну, вышиною около 10 аршинъ. Вскорѣ Тарасовъ былъ задержанъ въ селѣ Большомъ Мамлѣвѣ, въ 2 верстахъ отъ города, мѣстными крестьянами, которые и повели пойманнаго арестанта обратно въ городъ. На дорогѣ ихъ встрѣтилъ старшій тюремный надзиратель Костинъ, направившійся въ погоню за арестантомъ и когда Тарасовъ упалъ предъ нимъ на колѣни, Костинъ **выстрѣлилъ изъ револьвера** и ранилъ его пулей въ голову. При допросѣ судебнымъ слѣдователемъ, Костинъ далъ показаніе, что онъ былъ сильно возмущенъ и разстроенъ побѣгомъ Тарасова, а потому и бросился на него съ револьверомъ въ рукахъ, но какъ произошелъ выстрѣлъ, онъ этого не знаетъ.

(Сынъ От.).

Въ составъ **консультациі пр. повѣренныхъ** и ихъ помощниковъ, организованной на-дняхъ при Харьковскомъ сѣздѣ мировыхъ судей (см. „Право“ № 45, стр. 2164) записалось уже до пятидесяти членовъ, Дѣла консультации, какъ и надо было ожидать, съ первыхъ же дней пошли прекрасно: ежедневно въ консультацию обращаются за совѣтомъ по юридическимъ дѣламъ десятки лицъ, въ числѣ которыхъ не мало крестьянъ изъ уѣздовъ. Совѣты бѣднымъ даются бесплатно. (Ю. Кр.).

Многими изъ земствъ были своевременно возбуждаемы ходатайства объ **увеличеніи состава училищныхъ совѣтовъ** (какъ уѣзднаго, такъ и губернскаго) третьими членами отъ земства. Ходатайства были признаны неподлежащими удовлетворенію. Въ виду этого, въ послѣднее время, тѣми же земствами возбуждены ходатайства въ томъ смыслѣ, чтобы предсѣдателямъ земскихъ управъ было даровано право присутствія въ училищныхъ совѣтахъ по ихъ должности, причѣмъ земства находятъ необходимымъ это право распространить какъ на предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ по присутствію ихъ въ уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ, такъ и на предсѣдателей губернскихъ управъ — по участію

ихъ въ губернскихъ училищныхъ совѣтахъ. Такого рода ходатайства въ своей основѣ, между прочимъ, имѣютъ то существенно важное обстоятельство, что значительное въ послѣднее время увеличеніе числа земскихъ школъ требуетъ и большаго числа наличныхъ членовъ училищныхъ совѣтовъ.

Въ одну изъ послѣднихъ сессій своихъ засѣданій, Бѣжецкимъ земствомъ Тверской губ. возбуждено ходатайство о дополненіи перечня дѣлъ, отнесенныхъ къ предметамъ **вѣдомства земскихъ учреждений** (ст. 2 положенія о земск. учрежд. 1890 г.) указаніемъ, что къ числу таковыхъ предметовъ, между прочимъ, принадлежатъ и попеченіе о мѣрахъ для содѣйствія нуждающимся въ томъ лицамъ изъ мѣстнаго населенія къ полученію совѣтовъ по ихъ частнымъ дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію въ судебныхъ и административныхъ мѣстахъ и къ присканію повѣренныхъ для веденія сихъ дѣлъ. Однимъ изъ членовъ того же земскаго собранія была выработана и самая организація юридической помощи населенію: по проекту этой послѣдней, управа обязана предварительно вступить въ извѣстное соглашеніе съ присяжными и частными повѣренными касательно принятія ими на себя обязанностей давать совѣты, вести судебныя (гражданскія и уголовныя) и административныя дѣла, составлять прошенія, жалобы и т. п. По установленіи извѣстнаго вознагражденія за ихъ трудъ, управа обязана гарантировать извѣстный минимумъ ихъ заработка. Вошедшіе въ такое соглашеніе адвокаты обязаны оказывать свое содѣйствіе всѣмъ обращающимся къ нимъ лицамъ, независимо отъ ихъ происхожденія и имущественной состоятельности. Въ свою очередь, земскимъ собраніемъ должны быть выработаны извѣстныя условія, какія должны явиться основаніемъ для соглашенія управы съ повѣренными. Въ эти условія должны быть включены такса за вознагражденіе и основныя права на бесплатную помощь.

Нижегородская губ. земская управа, не получая въ теченіе многихъ лѣтъ суммъ, причитающихся ей за леченіе въ Нижег. губ. больницѣ с.-петербургской мѣщанки Е., а также несмотря на неоднократныя обращенія къ петербургской мѣщанской управѣ и петербургскому градоначальнику о понужденіи мѣщанской управы къ исполненію требованій губернской управы, просила Нижегород. губернатора войти съ представленіемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, прося его **предложить с.-петербургскому градоначальнику понудить петербургскую управу къ уплатѣ** денегъ за леченіе Е., за смертью этой послѣдней, изъ общественныхъ суммъ. Нижег. губернаторъ, находя, что онъ не имѣетъ законнаго основанія представлять это дѣло министру внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ о возбужденіи настоящаго ходатайства не было постановленія губернскаго собранія, согласно п. 14 ст. 63 полож. о земск. учрежд., передалъ дѣло на разсмотрѣніе нижег. губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія, которое большинствомъ всѣхъ членовъ, за исключеніемъ предсѣдателя губернской управы, нашло ходатайство нижегородской губ. земск. управы подлежащимъ отклоненію. Губернское земское

собраніе признало, однако, необходимымъ обжалованіе въ Сенатъ означеннаго постановленія губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія, причѣмъ въ числѣ мотивовъ къ отбѣнѣ постановленія въ жалобѣ приводятся слѣдующія соображенія: по закону, земскія учрежденія не имѣютъ прямыхъ сношеній съ министерствомъ, а всѣ эти сношенія идутъ чрезъ мѣстнаго начальника губерніи, причѣмъ въ законѣ нигдѣ не указано, чтобы эти представленія г. губернаторъ могъ задерживать и не представлять вышему правительству; кромѣ того, закономъ (80 ст. полож. о земск. учрежд.) указано, что жалобы въ Правительствующій Сенатъ приносятся только отъ имени земскаго собранія; что же касается обращеній къ другимъ высшимъ въ Имперіи учрежденіямъ, то они могутъ исходить и отъ губернской управы, на которой, какъ исполнительномъ органѣ земства, лежитъ обязанность вести текущее дѣло земства и непредставленіе этихъ обращеній, своевременно по назначенію, только нарушаетъ правильное теченіе дѣлъ земскаго хозяйства.

Редакторъ газеты „Бессарабецъ“ обвинялся въ томъ, что **напечаталъ № 104 своей газеты безъ разрѣшенія цензуры**. Обвиняемый объяснилъ суду, что цензурные листы для нумера, долженствовавшаго выйти 21 апрѣля, были отправлены имъ къ цензору 20 апрѣля; но посланный возвратился съ отвѣтомъ, что цензоръ приказалъ ему придти за полученіемъ ихъ только на слѣдующій день, въ 10 час. утра. Редакторъ не придавъ, однако, этимъ словамъ никакого значенія и, предполагая, что цензоръ, у котораго не было никакихъ законныхъ основаній уклоняться отъ исполненія своихъ обязанностей или же препятствовать выходу нумера, просмотритъ присланные ему листы ночью, распорядился, чтобы къ нему былъ отправленъ человекъ еще разъ, а самъ около часа ночи ушелъ изъ типографіи. Работа же въ типографіи, тѣмъ временемъ, по заведенному порядку, продолжалась, и о томъ, что по небрежности метранпажа и завѣдующаго типографіей нумеръ этотъ былъ выпущенъ до возвращенія цензурныхъ оттисковъ, онъ узналъ только на слѣдующее утро.

Окр. судъ приговорилъ редактора къ домашнему аресту на 3 дня и штрафу въ 10 руб. Въ палатѣ редакторъ заявилъ, что цензоръ г. Уструговъ своими постоянными преслѣдованіями ставитъ его въ безвыходное положеніе, что изъ-за этихъ преслѣдованій онъ однажды принужденъ былъ приостановить выходъ своей газеты на 3 дня, что въ этихъ постоянно возникающихъ между нимъ и цензоромъ недоразумѣніяхъ цензурный комитетъ всегда становится на сторону его, редактора, и дѣлаетъ цензору соответствующія разъясненія и что, наконецъ, въ послѣднемъ случаѣ цензурный комитетъ не только не подвергъ его никакому взысканію за выпускъ нумера безъ разрѣшенія цензора, но даже объявилъ ему черезъ губернатора, что цензору Устругову вѣнчено въ обязанность, чтобы на будущее время оттиски для цензуры онъ принималъ до 11 ч. ночи.

Приговоръ суда утвержденъ палатою.

(См. Ог.).

„Тифл. Лист.“ сообщает, что на дняхъ въ Тифл. окружн. судѣ слушалось дѣло по обвиненію околд. надзирателя Чаевского въ нанесеніи оскорбленія. Нѣкто Курць, проходя вмѣстѣ со своимъ знакомымъ Рейхенбахомъ по Авчальской ул., увидалъ, что городской наноситъ побой извозчику.

Подойдя къ городовому, Курць сталъ убѣждать его воздержаться отъ кулачной расправы, но городской не послушалъ и продолжалъ бить извозчика. Курць, вмѣстѣ съ Рейхенбахомъ, отправился въ 10 полицейскій участокъ и, заставъ въ дежурной комнатѣ околд. надзирателя Чаевского, спросилъ: „Могу ли я видѣть пристава?“. Чаевскій отвѣтилъ, что приставъ въ участкѣ нѣтъ, но что онъ, какъ дежурный, выслушаетъ его заявленіе. Тогда Курць объяснилъ ему, Чаевскому, о поступкѣ городского, бляха № 227. Едва Чаевскій выслушалъ К., какъ вскочилъ со стула и сталъ кричать: „Какое тебѣ дѣло заступаться за извозчика, я тебѣ дамъ такого пристава, что въ другой разъ не захочешь заходить“. Послѣ того подсудимый приказалъ городовымъ обыскать Курца, а затѣмъ арестовать при участкѣ, объяснивъ свой поступокъ тѣмъ, что Курць „неблагонадежный“.

Судъ приговорилъ Чаевского къ аресту при тюрьмѣ на три недѣли.

10 ноября въ камерѣ мирового судьи 2 уч. г. Казани разсматривалось дѣло по обвиненію татарина Галеева въ нечистоплотномъ содержаніи лавки и въ нарушеніи общественной тишины. 27 сент. текущего года приставъ 3 уч. Николаевъ производилъ осмотръ мясныхъ лавокъ въ татарской части города, причѣмъ у Галеева, торгующаго на Евангелистовской ул., обнаружилъ весьма неудовлетворительное состояніе лавки въ санитарномъ отношеніи. На замѣчаніе пристава Галеевъ отвѣчалъ въ возвышенномъ тонѣ и размахивалъ руками. Свидѣтели со стороны обвиняемаго заявили, что раздраженіе, на которое указываетъ въ протоколѣ и повышенный тонъ разговора Галеева, вызваны оскорбленіями, которыя наносилъ приставъ своими выраженіями не только Галееву, но и всѣмъ присутствовавшимъ мусульманамъ, на религиозно-правственной почвѣ. Приставъ Николаевъ обращаясь къ Галееву, сказалъ такую фразу: „собачья морда подставь тазы“,—называлъ его „с. сыномъ“ и наконецъ крестилъ ему и присутствующимъ лбы, говоря, что онъ всѣхъ ихъ „собачьи головы перекреститъ“.

Защитникъ подсудимаго, пом. присяжнаго повѣрен. Эрахтинъ просилъ мирового судью занести эти заявленія въ протоколъ, но судья, находя ихъ неотносящимися къ данному дѣлу, отказалъ въ этомъ и, по совокупности проступковъ, приговорилъ Галеева къ 3 руб. штрафа, съ замѣною, въ случаѣ несостоятельности, арестомъ на одинъ день. (Сѣв. Кур.).

Диспутъ бар. М. А. Таубе.

31 октября въ актовомъ залѣ университета приватъ-доцентъ бар. М. А. Таубе защищалъ диссертацию на степень доктора международного права подѣ

загл.: „Принципы мира и права въ международныхъ столкновеніяхъ среднихъ вѣковъ“.

Михаилъ Александровичъ баронъ Таубе, изъ дворянъ С.-Петербургской губерній, родился въ 1869 г. (въ г. Павловскѣ). Первоначальное образованіе получилъ въ VI спб. классич. гимназій, которую кончилъ, съ золотой медалью, въ 1887 году. Поступивъ въ томъ же году въ Имп. Спб. унив. на юридич. фак., выдержалъ по окончаніи курса государственный экзаменъ въ 1891 году, и тогда же былъ оставленъ при унив., по кафедрѣ междунар. права, для приготовленія къ профессорскому званію. Занимаясь подѣ руководствомъ ординар. проф. Ф. Ф. Мартенса, защитилъ въ 1896 г. въ Спб. университетѣ—по выдержаніи установленныхъ экзаменовъ изъ междунар. и государственнаго права—диссертацию на степень магистра международного права. Съ 1 января 1897 года состоялъ въ теченіе 2½ лѣтъ приватъ-доцентомъ въ Имп. Харьковскомъ университетѣ, читая тамъ общій курсъ междунар. права. Въ настоящее время (съ осенняго полугодія 1899 года) состоитъ приватъ-доцентомъ Имп. Спб. университета и читаетъ специальный курсъ „права войны“. Въ тоже время занимаетъ должность дѣлопроизводителя во II экспедиціи при канцеляріи мин. иностр. дѣлъ, въ которое поступилъ въ 1892 году.

Напечатанъ:

1) Исторія зарожденія современнаго международного права (средніе вѣка). Томъ I. Спб. 1894 г. Магистерская диссертация.

2) Основныя формы въ исторіи развитія междунар. отношеній и правъ. Харьковъ. 1898 г. (Статья въ ученыхъ запискахъ Харьковск. университета).

3) Международный конгрессъ на Волыни въ XV столѣтіи (Москва. 1898 г.).

4) Томъ II „Исторіи зарожденія соврем. междунар. права“ подѣ специальнымъ заглавіемъ „Принципы мира и права въ международныхъ среднихъ вѣковъ“ (Харьковъ, 1899), представленный для соисканія степени доктора международного права.

Послѣ вступительной рѣчи диспутанта, посвященной вопросу о роли среднихъ вѣковъ въ исторіи международного права (см. „Право“ № 46 стр. 2190 и сл.), первый официальный оппонентъ проф. Ф. Ф. Мартенсъ прежде всего отмѣтилъ, что изслѣдованіе бар. Таубе, основанное на серьезномъ изученіи первоисточниковъ, было признано достойнымъ быть предметомъ университетскаго диспута вслѣдствіе внутреннѣхъ достоинствъ своихъ: такъ именно и слѣдуетъ изучать международное право и его исторію, какъ это дѣлаетъ авторъ диссертации: необходимо детальное изученіе дѣйствительныхъ фактовъ жизни и частныхъ явленій междунар. права, дабы на нихъ прочно обосновать общія положенія.

Но рядомъ съ достоинствами книгъ бар. Таубе свойственны, по дальнѣйшимъ указаніямъ проф. Мартенса, и слѣд. недостатки:

1. Авторъ слишкомъ увлекается своею симпатіей къ среднимъ вѣкамъ и стремится приписать имъ все хорошее. Любовь къ своему предмету и увлеченіе само по себѣ большое достоинство ученаго и безъ этого немислимо истинное творчество, но любовь къ своему дѣлу не должна вести къ субъективизму, къ отсутствію объективности въ изображеніи и освѣщеніи предмета изслѣдованія. Между тѣмъ, авторъ нерѣдко попадаетъ въ субъективизмъ; такъ напр., судя по его замѣчаніямъ на стр. 11 и сл., можно было бы подумать, что война въ средніе вѣка является чѣмъ-то исключительнымъ, общее же правило миръ; на дѣлѣ же война была закономъ, нормальнымъ и обычнымъ состояніемъ въ средніе вѣка.

2. Авторъ относительно разныхъ приводимыхъ имъ случаевъ третейскаго суда въ средніе вѣка не доказалъ, что эти явленія можно признать судомъ въ техническомъ и современномъ смыслѣ. Уже четныя числа судей (напр. 4, 12, 24) наводятъ на со-

мнѣніе, не были ли это скорѣе посредники для мирнаго улаженія дѣла (*amicabiles compositores*), нежели судьи въ тѣсномъ смыслѣ.

3. Точно также авторъ не различаетъ строго разбирательства международныхъ споровъ и коллизій въ тѣсномъ смыслѣ отъ разныхъ дѣлъ и разбирательствъ частно-правнаго характера, имущественныхъ, династическихъ споровъ и т. п.

4. На стр. 142 авторъ утверждаетъ, что репрессалии исчезаютъ къ концу среднихъ вѣковъ. Но это утверждение неправильно. Во всякомъ случаѣ слѣдовало яснѣе установить, о какихъ репрессалияхъ говорится. Точно также нельзя согласиться съ замѣчаниями автора на стр. 301 и сл. о контрабандѣ. Оппонентъ остается при своемъ раньше уже высказанномъ мнѣніи, что понятіе контрабанды было впоследствии выведено изъ папскихъ буллъ, запрещающихъ торговлю съ сарацинами, какъ врагами христіанства.

Второй официальный оппонентъ, проф. И. А. Ивановскій, началъ свой критическій разборъ диссертациі бар. Таубе съ замѣчанія, что и по его мнѣнію книга бар. Таубе можетъ быть признана удовлетворяющей той цѣли, для которой она представлена въ юридическій факультетъ. Книга имѣетъ цѣльный рядъ достоинствъ. Въ ней видно довольно обстоятельное изученіе авторомъ монографической литературы по вопросамъ избранной имъ темы. Литературой авторъ пользуется весьма широко, но старается при этомъ пользоваться самостоятельно, и съ этою цѣлью обращается для провѣрки высказанныхъ въ литературѣ мнѣній къ первоисточникамъ—сборникамъ международныхъ трактатовъ, средневѣковымъ хроникамъ и т. п. Такой пріемъ далъ автору возможность вносить иногда поправки къ мнѣніямъ его предшественниковъ, полнѣе представить нѣкоторые институты (какъ, напр., вопросъ о третейскомъ разбирательствѣ въ средніе вѣка, о репрессалияхъ, о контрабандѣ) и болѣе подробно освѣтить нѣкоторые факты, мало обращавшіе на себя до сихъ поръ вниманіе изслѣдователей (Луцкій между. конгрессъ 1429 г.). Наконецъ, въ общемъ изложеніе систематично, просто и ясно, хотя и нѣсколько многословно. Таковы отмѣченныя проф. Ивановскимъ достоинства труда бар. Таубе. Рядомъ съ ними указаны были спорные вопросы и слабыя стороны. Такъ, по мнѣнію оппонента, нельзя согласиться съ основною мыслью, проводимою бар. Таубе въ его сочиненіи, будто между развитіемъ отдѣльныхъ институтовъ правъ войны въ древнемъ мѣрѣ и средніе вѣка нѣтъ никакой преемственной связи. Наличие такой связи доказывается, по мнѣнію проф. Ивановскаго, дѣлѣмъ рядомъ фактовъ. Такъ, во-1-хъ, въ средніе вѣка на эту эпоху смотрѣли, какъ на продолженіе исторіи древняго міра. И дѣйствительно, отъ древняго міра въ средніе вѣка перешло христіанство, римскія политическія и правовыя воззрѣнія, латинскій языкъ съ богатымъ запасомъ юридическихъ терминовъ, скрывающихъ за собою цѣлую систему юридическихъ понятій, наконецъ, греческая политическая философія. Во-2-хъ, писатели средневѣковые и новаго времени въ своей аргументаціи постоянно ссылаются на воззрѣнія мыслителей древности, на примѣры изъ древней исторіи и пр. Въ-3-хъ, у самого бар. Таубе въ его книгѣ приводятся примѣры вліянія правовыхъ институтовъ древности на развитіе институтовъ среднихъ вѣковъ (объявленіе войны, положеніе частной собственности во время войны и др.) Наконецъ, въ-4-хъ, вообще, слѣдя за возникновеніемъ и развитіемъ идеи, нельзя проводить столь рѣзкую грань между различными эпохами, какову старается установить авторъ. И въ древности высказывались по интересу ющимъ автора вопросамъ многія идеи, которымъ суждено было развитію и осуществленію лишь впоследствии. Слѣдовательно, не среднимъ вѣкамъ принадлежитъ честь высказать ихъ впервые. Но несомнѣнно, что

условія осуществленія этихъ идей въ древнемъ мѣрѣ, средніе вѣка и новое время были различны. Неправильное принципиально воззрѣніе автора приводитъ его и къ неправильнымъ выводамъ: онъ преувеличиваетъ значеніе среднихъ вѣковъ и умаляетъ значеніе исторіи древняго міра. Въ частности это сказалося въ характеристикѣ авторомъ средневѣковыхъ воззрѣній на войну, какъ на средство разрѣшенія международныхъ споровъ. По его мнѣнію, въ отличіе отъ древняго міра, въ средніе вѣка смотрѣли на войну, какъ на крайнее средство защиты правъ и интересовъ. Между тѣмъ, съ одной стороны, войны въ средніе вѣка были не менѣе часты (война—законъ феодализма, говоритъ Лоранъ; самъ авторъ признаетъ, что войны въ средніе вѣка были столь же часты, какъ и гражданскіе процессы) и не менѣе продолжительны (столѣтняя война), чѣмъ въ древности, а съ другой—въ древности въ законахъ Ману, въ Второзаконіи и даже въ римской практикѣ можно отмѣтить взглядъ на войну, какъ на крайнее средство рѣшенія международныхъ споровъ. Послѣ этого общаго замѣчанія проф. Ивановскимъ отмѣченъ былъ рядъ частныхъ погрѣшностей. Наиболѣе слабой и менѣе самостоятельной оказалась вторая часть книги бар. Таубе, посвященная праву войны и нейтралитета. Тутъ указано было на неудовлетворительность опредѣленія правъ войны вслѣдствіе его растянутости и введенія совершенно случайныхъ признаковъ, на неправильность заключенія, будто военнопленными по средневѣковымъ воззрѣніямъ могли быть дѣлаемы только комбатанты, тогда какъ изъ международныхъ договоровъ (перемиріе между Англійей и Франціей 1403 г.) видно, что въ плѣнъ попадали и другіе подданные, и притомъ безъ различія пола, и т. п. По вопросу о репрессалияхъ и третейскомъ разбирательствѣ авторомъ не выяснены нѣкоторыя юридическія стороны этихъ институтовъ, вслѣдствіе чего не дано полной юридической констатации послѣднихъ. Такъ, не обращено должнаго вниманія на то, что захватъ имущества въ видѣ репрессалии примѣнялся не только частными лицами, но и самимъ государствомъ—отечествомъ потерпѣлаго, и притомъ могъ быть обращенъ не только противъ частныхъ лицъ, но и противъ иностраннаго государства. Напрасно также авторъ утверждаетъ, что захватъ иностраннаго имущества ограничивался захватомъ эквивалента понесеннаго истцемъ убытка: репрессалии заключались и въ личномъ задержаніи иностранцевъ. Наконецъ, жаль, что авторъ не изучилъ обстоятельно средневѣковыхъ статутовъ италіанскихъ городовъ, въ которыхъ можно найти матеріалъ по вопросу о репрессалияхъ. Относительно третейскаго суда не уяснены вопросы о мѣстѣ и срокѣ дѣйствія суда, о случаяхъ прекращенія дѣйствія суда безъ прекращенія спора (отказъ судей, отказъ сторонъ, наступленіе недѣеспособности судей, ихъ злоупотребленія и пр.).

Предлагаемое бар. Таубе обозначеніе нѣкоторыхъ случаевъ ограниченія произвола воюющихъ терминами „нейтрализація“, „нейтрализованный“ едва ли можно считать удачнымъ, такъ какъ это поведетъ къ путаницѣ понятій: приведенные термины обыкновенно употребляются для опредѣленія юридическаго положенія державъ нейтральныхъ, совершенно неучаствующихъ въ войнѣ и противупологаемыхъ воюющимъ. Въ случаяхъ, которые имѣетъ въ виду бар. Таубе, достаточно и правильно говорить не о „нейтрализаціи“, но лишь о неприкосновенности.

Наконецъ, проф. Ивановскій выразилъ сожалѣніе по поводу того, что бар. Таубе не наследована въ разсматриваемомъ имъ отношеніи исторія международныхъ сношеній русскихъ княжествъ въ средніе вѣка.

Возражавшій въ качествѣ частнаго оппонента А. А. Пиленко, преподаватель Императорскаго Александровскаго лицея, объяснилъ слѣдующее:

Докторантъ предлагаетъ замѣнить терминъ „неприкосновенность“, нынѣ общеупотребительный въ наукѣ о правѣ войны,—терминомъ „нейтрализация“; по мнѣнію оппонента, такое нововведеніе не можетъ быть признано удачнымъ, такъ какъ оно повлекло бы за собой большую неясность терминологіи. Къ тому же, неправильно утверждать, чтобы все право войны сводилось къ „нейтрализации лицъ и благъ“, какъ говоритъ докторантъ на стр. 152 своего труда. Очень многія нормы права войны подойдутъ подъ такое опредѣленіе только съ величайшимъ трудомъ (повѣшеніе шпіона, оккупация, контрибуція), причемъ ихъ придется совершенно переконструировать. Другія нормы (напр. декларация о разрывныхъ снарядахъ) совсѣмъ не подходятъ подъ такое опредѣленіе. Оппонентъ видитъ, поэтому, противорѣчіе между стр. 347 диссертации, гдѣ „нейтрализация“ опредѣлена, какъ „изъятіе извѣстныхъ объектовъ изъ общей массы объектовъ, подвергающихся враждебнымъ дѣйствіямъ“ — и стр. 255, гдѣ говорится о „нейтрализации орудій борьбы“. Орудія борьбы не могутъ быть изъяты изъ общей массы объектовъ, подвергающихся враждебнымъ дѣйствіямъ; смыслъ декларация 1868 г. заключается вовсе не въ томъ, что разрывныя пули не подвергаются враждебнымъ дѣйствіямъ. Оппонентъ, во-вторыхъ, несогласенъ также съ мнѣніемъ, будто современное общественное мнѣніе не знаетъ „права на войну“, отрицаемаго докторантомъ. Этого права наука до сихъ поръ не сумѣла еще конструировать, но оно несомнѣнно живетъ въ сознаніи и совѣсти людей (въ этомъ и состоитъ жизнь и дѣйствіе правовыхъ явленій): несомнѣнно, напр., что многія войны признаются начатыми неправомѣрно. Однимъ изъ наиболее удачныхъ опредѣленій права на войну (Recht zum Kriege) дано Kettich'омъ. Оппонентъ сожалѣетъ, что въ диссертации не анализировано ученіе Kettich'a, но даже ошибочнымъ образомъ указано, будто этого ученый *отрицаетъ* возможность конструировать право на войну.

Диспутантъ съ полнымъ знаніемъ дѣла и умѣніемъ отвѣчать на возраженія оппонентовъ. Деканъ объявилъ, что факультетъ призналъ бар. Таубе вполне достойнымъ степени доктора международного права, а присутствовавшие студенты и посторонняя публика встрѣтили это рѣшеніе дружными и шумными аплодисментами.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Гражданское отдѣленіе.

Засѣданіе 11 ноября, подъ предсѣдательствомъ А. А. Книрима, было посвящено докладу дѣйствительнаго члена общества Н. А. Полетаева: о мнимыхъ и притворныхъ сдѣлкахъ, безденежности, *causa abligationis* и незаконномъ обогащеніи по проекту V книги гражданскаго уложенія. По мнѣнію референта, въ правѣ обязательственномъ мотивы воли должны обсуждаться лишь по тѣмъ внѣшнимъ дѣйствіямъ, съ которыми они находятся въ связи, какъ способомъ своего внѣшняго выраженія. Если договоръ ясенъ, то судъ не долженъ допускать свидѣтельскихъ показаній для разъясненія тѣхъ мотивовъ, которые никакихъ слѣдовъ въ договорѣ не оставили.

Весьма опасно предоставлять право, какъ это дѣлаетъ 24 ст. проекта, опровергать договоры мнимые и притворные самимъ контрагентамъ и притомъ свидѣтельскими показаніями. Въ практикѣ Сената, на кото-

рую ссылается объяснительная записка (рѣш. гражд. касс. деп. 1882—2, 1891—62, 1892—28), сдѣлки, нормируемыя ст. 24 проекта, по способу опроверженія, приравнивались къ сдѣлкамъ, предум. 2 п. ст. 1529 т. X ч. 1, но тамъ вездѣ опроверженіе допускается со стороны и въ интересѣ третьихъ лицъ и по своему несоотвѣтствію съ требованіями закона или нравственности. Столь же опасно распространять ст. 24 и на упоминаемыя въ объясненіяхъ подъ ст. 24 сдѣлки фидуціарныя, т. е. такія, въ которыхъ договоръ совершается въ такой формѣ, которая предоставляетъ одному изъ контрагентовъ болѣе правъ, чѣмъ сколько слѣдовало бы сообразно истинному намѣренію сторонъ. Хотя проектъ ничего не говоритъ о сдѣлкахъ, заключаемыхъ съ *reservatio mentalis* контрагентовъ, когда воля одной изъ сторонъ скрывается, но по § 116 германскаго уложенія, въ духѣ котораго (уложенія) составлена ст. 24 пр., такія сдѣлки признаются недѣйствительными, если *reservatio* была извѣстна и другому контрагенту. И это является крайне нераціональнымъ: суду придется считаться съ мотивами, по самому существу своему анализу суда неподлежащими.

Вторая часть доклада имѣла своимъ содержаніемъ критику положеній проекта о безденежномъ займѣ. Терминъ „безденежность“ слѣдуетъ замѣнить терминомъ „безвалютность“, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній. Въ такомъ смыслѣ Сенатъ и разъясняетъ ст. 2014 и 2017 т. X ч. 1, допуская въ видѣ основанія акта о займѣ не одну передачу денегъ, а и другія договорныя отношенія. Между тѣмъ ст. 361 проекта, повидимому, имѣетъ въ виду только передачу денегъ, какъ основаніе займа, и не допускаетъ спора о безденежности, если эта передача произошла въ присутствіи нотариуса. Изъ ст. 350 проекта, однако, вытекаетъ, что актъ займа можетъ возникнуть и безъ передачи денегъ, если онъ выданъ въ удостовѣреніе долга, проистекающаго изъ продажи, найма или иного основанія; къ такимъ актамъ, говоритъ проектъ, примѣняются правила о займѣ. Какъ сдѣлать такіе акты о займѣ безспорными, трудно сказать, имѣя въ виду правило 2 ч. ст. 361 проекта. Далѣе, практика Сената (1873—10) смотритъ на акты о займѣ, о которыхъ говоритъ ст. 350 проекта, какъ на обыкновенныя заемныя письма, и не допускаетъ спора объ обстоятельствахъ и основаніяхъ, вызвавшихъ появленіе такого заемнаго письма: нельзя, напримѣръ, входить въ обсужденіе цѣнности тѣхъ услугъ, которыхъ эквивалентомъ явилось такое заемное письмо. Иначе смотритъ на этого рода обязательства проектъ: онъ видитъ въ нихъ симуляцію займа и допускаетъ поэтому споръ и обсужденіе обстоятельствъ, послужившихъ основаніемъ къ выдачѣ акта о займѣ, допускаетъ, конечно, и свидѣтелей. Эти положенія проекта не соотвѣтствуютъ общимъ принципамъ, которые проводитъ самъ же проектъ относительно значенія въ правѣ обязательственномъ письменной формы и свидѣтельскихъ показаній; не соотвѣтствуютъ они и понятію абстрактнаго обязательства, которое непременно должно быть допущено, какъ выраженіе права лица распоряжаться своими имущественными благами свободно, безъ надобности указывать каждый разъ, какіе мотивы руководятъ имъ при этихъ распоряженіяхъ.

Игнорирование проектом значения абстрактного обязательства стоит в тѣсной связи со взглядомъ его на „causa“. Хотя въ проектѣ нѣтъ нигдѣ положенія о значеніи causa, но изъ объясненій подѣ ст. 566 и 589 вытекаетъ, что при обсужденіи всѣхъ договоровъ, за исключеніемъ тѣхъ, о которыхъ законъ говоритъ прямо противоположное (вексель, чекъ, переводъ, кассовый ордеръ, кредитное письмо), должна приниматься во вниманіе causa. Взглядъ этотъ проникъ въ проектъ подѣ влияніемъ Code civil: ст. 1108 послѣдняго считаетъ cause licite существенной принадлежностью договора наряду съ принужденнымъ согласіемъ сторонъ, дѣеспособностью и объектомъ договора. Одни (Colin) видятъ въ causa психическій моментъ, другіе (Mourlon)—дѣль, трети (Голевинскій)—дѣйствительную потребность, вызвавшую сдѣлку; есть еще и взглядъ на causa, какъ на предположеніе объ экономическомъ эквивалентѣ (Кривцовъ). Выводъ тотъ—что causa понятіе крайне неопредѣленное. Въ области практики causa должна быть признана неимѣющимъ raison d'être отвлеченіемъ, и притомъ отвлеченіемъ весьма вреднымъ. Является ничѣмъ не оправдываемая опека надъ волей контрагентовъ, какой-то контроль ихъ мотивовъ. Современный гражданскій оборотъ нуждается въ абстрактной формѣ обязательства не менѣе, чѣмъ римскій, выработавшій такую форму въ видѣ stipulatio. Въ стремленіи ввести causa, какъ элементъ договора, проектъ преслѣдуетъ интересы обиженныхъ и обойденныхъ контрагентовъ, но эти интересы болѣе, чѣмъ достаточно, защищены многими положеніями проекта, хотя бы ст. 31 пр.

Поэтому, ст. 19 слѣдовало бы выразить такъ: измѣненіе, отмѣна или опроверженіе договора, совершеннаго на письмѣ, въ случаѣ спора, не могутъ быть доказываемы на судѣ свидѣтельскими показаніями.

Къ ст. 24 слѣдовало бы прибавить 3 часть такого содержанія: въ случаѣ спора противъ означенныхъ въ этой статьѣ договоровъ со стороны контрагентовъ, должны быть допускаемы лишь письменныя доказательства.

Ст. 350 лучше замѣнить слѣдующею: не считаются безвалютными заемныя обязательства, процстекающія изъ найма, изъ услугъ или иныхъ основаній.

Ст. 361 слѣдовало бы замѣнить слѣдующею: заявленная должникомъ безвалютность заемнаго обязательства должна быть доказана и притомъ лишь письменными доказательствами. Вторая же часть этой статьи *во всякомъ случаѣ* должна быть исключена.

Послѣдняя часть доклада была посвящена разсмотрѣнію статей проекта о незаконномъ обогащеніи. Первую часть ст. 1059 референтъ находитъ лишней и противорѣчащей второй части той же статьи. Она явилась, какъ результатъ неправильнаго пониманія ст. 574 т. X ч. 1, цитируемой проектомъ, какъ источникъ общаго положенія, высказываемаго ст. 1059 проекта. Но ст. 574 т. X ч. 1, несмотря на неоднократныя ссылки на нее Сената, не подходитъ къ нормамъ, регулирующимъ отвѣтственность по началу обогащенія. Она даетъ лишь принципъ вознагражденія ущерба вообще. Норма объ отвѣтственности по началу незаконнаго обогащенія содержится скорѣе въ ст. 634 т. X ч. I. Смѣшеніе понятій вызывается

также и тѣмъ, что слово обогащеніе имѣетъ два значенія, смотря по тому, относится ли оно къ моменту полученія чужого имущества въ распоряженіе или же къ дальнѣйшей судьбѣ его. Нормы о незаконномъ обогащеніи могутъ имѣть въ виду только второй моментъ. Ст. 574 т. X ч. I имѣетъ въ виду обогащеніе въ первомъ значеніи этого слова и это отчасти высказала Сенатъ въ рѣшеніи № 73 1893 г., послѣ того какъ онъ примѣнялъ эту же статью ко второму моменту въ рѣшеніяхъ своихъ 1878 г. № 29, 1889 г. № 23 и др. Изъ этого слѣдуетъ, что первая часть ст. 1059 не можетъ быть помѣщена во главѣ нормъ о незаконномъ обогащеніи и должна быть или совсѣмъ выброшена или же присоединена къ 2 ст. проекта въ такомъ видѣ: основаніемъ, устанавливающимъ обязательство, служить также отсутствіе у лица права обогащаться на чужой счетъ безъ законнаго основанія.

Нормы о незаконномъ обогащеніи не слѣдуетъ помѣщать въ раздѣлѣ, озаглавленномъ: „Обязательства не изъ договоровъ“ потому что и при договорахъ онѣ могутъ иногда примѣняться. Слѣдовало бы выдѣлить въ концѣ проекта четвертый особый раздѣлъ и озаглавить его: Отвѣтственность въ размѣрѣ обогащенія.

Во второй части ст. 1059 и первой части ст. 1062 проекта цѣлесообразнѣе было бы замѣнить нѣсколько двусмысленныя выраженія „сохранившееся имущество“ и „сдѣланное сбереженіе“ терминомъ „дѣйствительное обогащеніе“, что предоставляло бы болѣе свободы суду.

Терминъ этотъ не чуждъ и проекта, который употребляетъ выраженіе: „дѣйствительная польза“.

Иски изъ незаконнаго обогащенія не суть кондикціи. Какъ думаетъ комиссія, взглядъ этотъ, навѣянный пандектами, привелъ къ тому, что въ отдѣлѣ нормъ о незаконномъ обогащеніи былъ помѣщенъ цѣлый рядъ такихъ, которыя сюда не относятся, именно ст. 1060, 1061, 1062 и 1063 проекта. Законы объ отвѣтственности по началу обогащенія должны быть выдѣлены въ особую группу въ слѣдующемъ видѣ:

Раздѣлъ №

Ст. 1. Отвѣтственность за чужое имущество въ размѣрѣ дѣйствительнаго обогащенія можетъ быть лишь при добросовѣстномъ полученіи его.

Ст. 2. Имущество должно поступить въ распоряженіе лица, но при этомъ не должно быть активнаго содѣйствія къ его полученію.

Ст. 3. Дареніе полученнаго имущества можетъ не считаться обогащеніемъ, если не имѣло результатомъ сбереженія.

Ст. 4. Можетъ считаться обогащеніемъ безцѣльное истребленіе полученнаго имущества по капризу или иному подобному побужденію.

Ст. 5. Настоящія правила примѣняются какъ къ случаямъ, прямо указаннымъ въ законахъ, такъ и къ другимъ, подходящимъ подѣ настоящія правила.

КАЗАНСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Въ субботу, 13 ноября, состоялось засѣданіе юридическаго общества, въ которомъ приватъ-доцентъ Казанскаго университета А. И. Елистратовъ прочелъ рефератъ „О возрѣніяхъ Л. Гумпловича на государство

и право" (Gumpłowicz, Allgemeines Staatsrecht, 1897).

Главное внимание референтъ обратилъ на методологическую сторону взглядовъ австрійскаго ученаго. Защищая мнѣніе послѣдняго, что сущность государства можетъ быть уяснена не путемъ юридическихъ конструкций, но только социологически, референтъ отвергъ научный характеръ за догматикою. Исходя изъ того, что двухъ понятій о наукѣ быть не можетъ и что естествознаніе понимаетъ науку, какъ изученіе законовъ явленій, А. И. Елистратовъ призналъ, что догматика подъ это требованіе не подходитъ. Однако, отрицая за нею научный характеръ, референтъ не отвергаетъ ея права на существованіе. Это не наука, а техника, которая не наблюдаетъ, а создаетъ правила. Представленіе Гумпловича о томъ, что возникновеніе и развитіе государства опредѣляется борьбою социальныхъ группъ, должно быть признано по существу правильнымъ. Точно также заслуживаетъ вниманія взглядъ Гумпловича на право, какъ на социально-психическое образованіе. Наконецъ, референтъ оспаривалъ воззрѣніе, будто Гумпловичъ отрицаетъ въ социальной жизни всякій прогрессъ.

По выслушаніи реферата произошелъ живой обменъ мнѣній.

Проф. В. В. Ивановскій присоединился къ взгляду референта, что догматика не наука, а искусство, что дальнѣйшихъ успѣховъ для государствовѣдѣнія слѣдуетъ ожидать именно отъ социологіи. Но и для послѣдней полезенъ конструктивный методъ. Чтобы изучать социологически извѣстныя явленія, надо предварительно записать опредѣленными понятіями. Ошибки Гумпловича и объясняются отсутствіемъ у него точныхъ опредѣленій. Онъ мечется по необозримому морю общественныхъ явленій безъ ясныхъ понятій о государствѣ и государственной власти, пользуясь то однимъ, то другимъ опредѣленіемъ. Оппонентъ упрекнулъ референта въ томъ, что онъ неправильно передалъ воззрѣнія Гумпловича на образованіе государства. Взглядъ Гумпловича, будто каждое государство образуется подчиненіемъ одной группы другой, не соответствуетъ тѣмъ многочисленнымъ случаямъ, когда покоренное племя превратилось въ рабовъ, потому что рабы—это вещи, а не низшій общественный классъ. Нельзя также согласиться съ Гумпловичемъ, будто гибель каждаго государства въ вѣчномъ круговоротѣ зависитъ отъ вторженія варваровъ. Пройдетъ нѣсколько вѣковъ и на всемъ земномъ шарѣ варваровъ не останется. При чемъ же тогда будетъ социальный законъ Гумпловича?

Возражая оппоненту, А. И. Елистратовъ указалъ на то, что различныя опредѣленія, употребляемыя Гумпловичемъ въ его работахъ, указываютъ на постепенное измѣненіе его воззрѣній. Одновременно онъ не примѣняетъ разныхъ опредѣленій. Что касается представленія Гумпловича объ образованіи государствъ, то взглядъ на рабовъ, какъ на вещи, именно навѣянъ юридическою конструкціею—передъ лицомъ социологіи рабы всегда люди.

М. Л. Манделъштамъ упрекнулъ Гумпловича въ нетвердости теоретическихъ воззрѣній. Интересный, хотя и нѣсколько фельетонный писатель, онъ долженъ быть оцѣниваемъ съ точки зрѣнія историко-литературной. Онъ не раздѣляетъ взглядовъ референта на догматику. Принципы съ исторической стороны составляютъ факты и развитіе ихъ до практическихъ выводовъ исполнѣ правильно съ научной точки зрѣнія. По вопросу о пессимизмѣ Гумпловича оппонентъ считаетъ неосновательными попытки этого писателя снять съ себя обвиненіе въ отрицаніи прогресса. Въ своихъ воззрѣніяхъ на круговоротъ Гумпловичъ является представителемъ не положительной науки, а метафизикомъ. Ожидаемое паденіе отъ руки варваровъ, если подъ ними понимать и внутреннихъ враговъ, неосновательно, потому что приобщеніе рабочихъ классовъ къ общей культурѣ идетъ быстрыми шагами.

А. А. Овчинниковъ находилъ нужнымъ примирить социологію съ догматикою. Социологія выдвигается впередъ передъ догматикою въ виду того, что послѣдняя заняла господствующее положеніе. Но не нужно впадать въ крайность и вмѣсто того, чтобы дать социологіи мѣсто рядомъ съ догматикою, совершенно сталкивать догматику съ ея вѣкового мѣста. Во всякомъ случаѣ, при настоящемъ положеніи вещей социологіи нельзя обойтись безъ помощи догматики. Безъ конструктивныхъ опредѣленій нельзя производить социологическихъ изслѣдованій.

Н. Н. Галкинъ-Врасскій призналъ одностороннимъ направленіе Гумпловича. Наука можетъ основываться не только на индукціи, но и на дедукціи. Старинныя и почтенныя науки, какъ философія и математика, науки чисто дедуктивныя. Одностороннимъ призналъ оппонентъ экономическій матеріализмъ, положенный Гумпловичемъ въ основу своихъ работъ.

Г. Ф. Шершеневичъ взялъ на себя защиту догматики. Если исходить изъ понятія о наукѣ, какъ законмѣрности явленій, то догматика, конечно, не наука. Не она и не техника, не искусство, потому что она не сама создаетъ правила, а беретъ ихъ готовыми. Юридическія нормы—это явленія, съ которыми догматика должна считаться. Признавая догматику техникою, референтъ сливаетъ въ одно догматику съ политикою права, а нужно, напротивъ стремиться къ возможно болѣе точному ихъ разграниченію. Исходя же изъ понятія о наукѣ, какъ систематизированномъ и обобщенномъ знаніи (Г. Спенсеръ), оппонентъ не находилъ никакихъ препятствій признать догматику наукою, потому что она обобщаетъ и систематизируетъ явленія.

Интересный докладъ А. И. Елистратова привлекъ многочисленную публику. Обширный актовъ залъ университета былъ переполненъ. Когда, по окончаніи преній, председатель, проф. Шершеневичъ, выразилъ отъ имени общества благодарность референту за его докладъ, публика наградила А. И. Елистратова шумными аплодисментами.

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

На 26 ноября, по 2 общ. собр.

По всепод. жал.: апелл.: Цицулина съ Бромлеемъ о взаимныхъ искахъ по постройкѣ парохода.

Част.: по жал. Разумихина на Спб. комм. судъ.

За разномасл.: апелл.: Добродѣва съ общ. печатн. дѣла „Издатель“ о дачѣ отчета; по иску Добродѣва съ общ. печатн. дѣла „Издатель“ 9,604 р. 45 к. съ %; Иркутскаго гор. общ. упр. съ министерствомъ народн. просвѣщ. о капиталѣ Трапезникова въ 300,000 руб.

По несогласію: част.: по жал. повѣреннаго конкурснаго управл. по дѣламъ торг. дома „А. И. Сергѣева и К^о“ на Московск. комм. судъ; по жал. Вассермановъ на Подольское губ. правл.

На 23 ноября, по Уголов. Кассац. Д-ту.

Жалобы: Микоши и Кроля на приг. Виленск. м. с. по обв. ихъ по 57^т ст. у.; упр. акц. сб. на приг. Витебскаго м. с. по обв. Карфина по 29 ст. у.

Протесты: прокурора Виленск. с. п. на приг. той же палаты по обв. Артемчика и Ушурко въ преступленіи, пред. 14 и 1 ч. 1465 ст. ул.; товарища прокурора Спб. с. п. на приг.: той же палаты по обв. Эглитъ по 13 и 1 ч. 1692 ст. ул.

На 30 ноября, по апеллац. столу Угол. Касс. Деп.

По апеллац. отзывамъ: Оппокова Варшавск. с. п. 348 и 1540 ст. ул.; Вѣтрова Иркутск. с. п. 411 ст. ул.; Мищенко, Семенова и Крилицына Тифлиск. с. п. 411, 407 и 362 ст. ул.; Ушакова Московск. с. п. 411 ст. ул.; Хачатурова Тифлиск. с. п. 1039 ст. ул.

На 25 ноября, по 1 отд. Угол. Касс. Деп.

Жалобы: Варническо Кишиневск. о. с.; Воронина Тульск. о. с.; Гирзона Сморгонск. м. с.; Ланцикида Таращанск. м. с. (2 дѣла); Фрумкина Ломжинск. 1 окр. м. с.; Деллина Московск. ст. м. с.; Игнатищана Харьковск. м. с.; Немонъ Сувалск. 2 окр. м. с.; Карлыта Р.-Вольмарск. м. с.; упр. акц. сб. и Фишера Елисаветградск. о. с. по обв. Морейниса; Мерсона Минск. м. с.; Захаровой Оршанск. м. с.; Лодовичъ Поневѣжск. м. с.; Вацберга и Мачукаса Поневѣжск. м. с.; упр. акц. сб. Рѣжицк. м. с. по обв. Донхина; Ройтблита Новоградволыиск. м. с.; Долиненковой Оршанск. м. с.; Тычкина Екатеринославск. о. с.; Цимовскаго Житомирск. м. с.; Махницкой Сквирск. м. с.; Зубовичей Сквирск. м. с.; Мемелова Чериковск. м. с.; Бронеса и упр. акц. сб. Варшавск. 1 окр. м. с. по обв. Бронесъ; Лисицкой Астраханск. о. с.; Гаде Калишск. 2 окр. м. с.; Роякъ Витебск. м. с.; упр. акц. сб. Староконстантиновск. м. с. по обв. Мулякевича; Ратицкаго Оршанск. м. с.; Новика Р.-Мозырк. м. с.; упр. акц. сб. Кизлярск. м. с. по обв. Богаева.—всѣ по обв. въ наруш. пнт. и табачн. уст.; Ваши Нижегородск. гор. м. с.; Эйдельмана Гайсинск. м. с.; Лойфмана Гайсинск. м. с.; Моханькова Ростовск.-на-Д. м. с.; Якубовича Петроковск. 3 окр. м. с.; Горинштейна Кременецк. м. с.; Антипука Армавирск. м. с.—всѣ по обв. въ наруш. строит. уст.; Рутинга Р.-Вольмарск. м. с. 51^т ст. у.; Избицкаго Петроковск. 3 окр. м. с. наруш. тамож. уст.; Пучковскаго В.-Волыиск. м. с. наруш. тамож. уст.; Гадашевича Могилевск. м. с. 73 ст. у.; Вирюкова Тамбовск. о. с. 1526 ст. ул.; Ионава и др. Троицк. о. с. 1490 ст. ул.; пов. д-та тамож. сборовъ Варшавск. с. п. по обв. Брука и Берлинербладу въ наруш. тамож. уст.; Киселева и др. Троицк. о. с. 1526 ст. ул.; Мелконіани Одесск. с. п. наруш. тамож. уст.

Репортъ Кременецк. м. с. по дѣлу Лысаковой, обвиняемой въ наруш. тамож. уст.

На 26 ноября, по 2 отд. Угол. Касс. Деп.

Жалобы: Ямпольскаго Елисаветградск. о. с. 1651 ст. ул.; Журки и Карасевой Пѣжинск. о. с. 1455 ст. ул.; Кудры и др. К.-Подольск. о. с. 1489 ст. ул.; Хаджи-Вей-Амира-оглы на опред. Иркутск. с. п.; Шулякъ Гродненск. о. с. 1656 ст. ул.; де-Терлонжа на опред. Одесск. гор. м. с.; Ромашко и Козловскаго Росіенск. м. с. 142 ст. у.; Обуховичей Р.-Мозырк. м. с. по обв. Радкевича и др. по 146 ст. у.; Лебедева Саратовск. о. с. по обв. отца его по 180^т ст. у.; Юнкевича Минск. м. с. мошенничество; Вистрома Поневѣжск. м. с. по обв. Рупудей и др. по 148 ст. у.; Мнията Ковенск. о. с. 1690 ст. ул.; Кальвенса Ковенск. о. с. 1480 ст. ул.; Полякова Одесск. о. с. 1657 ст. ул.; Ломашкевича и Немировичъ Гродненск. о. с. кража; Заводчикова Спб. о. с. 1489 ст. ул.; Гурныхъ на опред. Варшавск. гор. м. с. Марченко и

Шевченко Елисаветградск. о. с. кража; Пучковской Янск. м. с. по обв. Директора по 88 ст. у.; Шереметова Каневск. м. с. по обв. Вибриштейнъ по 142 ст. у.; Каранкевичъ Минск. м. с. 31 ст. у.; Новика Виленск. м. с. 142 ст. у.; Лоза Могилевск. м. с. 173 ст. у.; Егорова на опред. Спб. с. п.; Иванова на опред. Спб. с. п.; Влудзьмо Ковенск. о. с. 1534 ст. ул.; Кращенко и Гладыша Кіевск. о. с. 1647 ст. ул.; Каплуновичъ Одесск. о. с. 180 ст. у.; Вербаха Новогрудск. м. с. 31 ст. у.; Спицаренко и др. Липовецк. м. с. 38 ст. у.; Дрижки Липовецк. м. с. по обв. Вайсмана по 180 ст. у.; Лукашевича Виленск. м. с. 180 ст. у.; Муравскаго Новоградволыиск. м. с. по обв. Губертовъ и др. по 142 ст. у.

Протесты: товарищей прокуроровъ: на Житомирск. о. с. по обв. Арбитра по 1655 ст. ул.; на Виленск. о. с. по обв. Хлѣбинскаго по 1668 ст. ул.; прокурора на Житомирск. о. с. по обв. Махенькаго по 1647 ст. ул.

На 27 ноября, по 3 отд. Угол. Касс. Деп.

Жалобы: Сасина Таганрогск. м. с. 172 ст. у.; Левенца Сумск. о. с. 1630 ст. ул.; Соколова Спб. ст. м. с. 38 ст. у.; Миллера Р.-Вольмарск. м. с. 169 ст. у.; Томеновой Спб. у. м. с. 169 ст. у.; Эрницъ Ю.-Верроок. м. с. 142 ст. у.; Соколова Спб. ст. м. с. 38 ст. у.; Медвѣдева Спб. ст. м. с. 38 ст. у.; Станкевича Р.-Вольмарск. м. с. 31 ст. у.; Ватурина Нижегородск. м. с. 38 ст. у.; Дадла Ю.-Верроок. м. с. 180 ст. у.; Александрина Хоперск. м. с. 169 ст. у.; Мигерева Симбирск. о. с. 1455 ст. ул.; Галимова Казанск. о. с. 1609 ст. ул.; Трумана Р.-Гансальск. м. с. 136 ст. у.; Табунщикова Донецк. м. с. по обв. Дмитрова въ кражѣ; Хваловскаго Тверск. о. с. 169 ст. у.; Исаевой Спб. ст. м. с. 173 ст. у.; Варакова Спб. ст. м. с. по обв. Якобсона по 142 ст. у.; Никанорова Московск. ст. м. с. 128 ст. у.; Степановой Спб. ст. м. с. 136 ст. у.; Сѣнинова-Травскаго Спб. ст. м. с. 31 ст. у.; Франкомба Спб. ст. м. с. 38 ст. у.; Медвѣника Новочеркасск. о. с. 1632 ст. ул.; Хижникова и Кульчановскихъ Харьковск. о. с. 170^т ст. у.; Толкачева и Бородина Уфимск. о. с. 1480 ст. ул.; Роостъ Московск. ст. м. с. 142 ст. у.; Васильева 2 Донск. м. с. 115 ст. у.; Вестеля Ю.-Верроок. м. с. 38 ст. у.; Ниландера Спб. ст. м. с. 38 ст. у.; Бергмана Ю.-Верроок. м. с. по обв. Ринка въ обманѣ; пов. торг. дома „А. М. Жуковъ“ Полоцк. м. с. по обв. Каденельсона въ наруш. закона 26 февр. 96 г.; Радазевскаго и Петша Ю.-Верроок. м. с. 177 ст. у.; Швелелева Кашииск. о. с. 940 ст. ул.; Гейдановъ Полоцк. м. с. 31 ст. у.; Чернышева Симбирск. о. с. 1523 ст. ул.; Паршукова и Малахова Курск. о. с. 1655 и 172 ст. у.; Селюка и Кайнара Сумск. о. с. 1632 ст. ул.; Негаметуллина Казанск. о. с. 294 ст. ул.; Кляксела Ю.-Верроок. м. с. 180 ст. у.; Иваровичъ Спб. ст. м. с. 44 ст. у.; Вейнгартена Рѣжицк. м. с. по обв. Дымантъ по 180 ст. у.; пов. общ. дѣл заклада движимыхъ имущ. Спб. ст. м. с. по обв. Пескова и Васильева по 177 ст. у.; Тыртова Московск. ст. м. с. 129 ст. у.; Иткиной Витебск. м. с. 142 ст. у.; Мальцева и Буйловыхъ Вологодск. о. с. 1490 ст. ул.; Иванова Спб. ст. м. с. 170 ст. у.; Пугачева Рязанск. о. с. 169 ст. у.; Крисапова Нижегородск. о. с. 1483 ст. ул.; Захарова и Кузьмина Казанск. о. с. 170^т ст. у.; Лихобабина Воронежск. о. с. 169 ст. у.; Литвинова Черкасск. м. с. 38 ст. у.; Коробова Спб. ст. м. с. 39 ст. у.; Донатиной Черкасск. м. с. 136 ст. у.; Ватанина Нижегородск. м. с. 170^т ст. у.; Филиппова Московск. ст. м. с. 177 ст. у.; Образцовой Кашииск. о. с. по обв. Григорьева по 1430 ст. ул.

Протесты: п. о. тов. прок. на Тверск. о. с. по обв. Окуева по 1453 ст. ул.; тов. прок. на Московск. о. с. по обв. Золотова по 1451 ст. ул.

На 26 ноября, по 4 отд. Угол. Касс. Деп.

Жалобы: Калиновскихъ Поневѣжск. м. с. по обв. Видницкаго; Арцименки Дисненск. м. с.; Наркула и др. Р.-Гансальск. м. с.; упр. гос. имущ. Владикавказск. м. с. по обв. Цалкова и Ужагова; упр. гос. имущ. Владикавказск. м. с. по обв. Хадзарагова и Вайматова; Лоосъ Ю.-Верроок. м. с.; уполномоч. дѣсоохранит. комитета К.-Подольск. м. с. по обв. Милокова; Кетнера Р.-Вольмарск. м. с.; Константинова Новоалександровск. м. с.; упр. гос. имущ. Двинск. м. с. по обв. Кароловой; упр. гос. имущ. Владикавказск. м. с. по обв. Бутаева; Паана Ю.-Верроок. м. с., — всѣ по обв. въ наруш. лѣсн. уст.; Шахъ-Валабека-Искандеръ-бекъ-оглы Тифлиск. 6. п. 1484 ст. ул.; Наджафа-бекъ-Бабабекова Тифлиск. с. п.

373 ст. ул.; Кендзіора Варшавск. с. п. 954 ст. ул.; Руссека Варшавск. с. п. 294 ст. ул.; Вляхмановъ Петроковск. 3 окр. м. с. 142 ст. ул.; Райкерга Петроковск. 3 окр. м. с. 130 ст. ул.; Кухарскихъ Петроковск. 2 окр. м. с. клевета; Голубева Спб. с. п. 994 ст. ул.; Лукомскаго Спб. с. п. 1535 ст. ул.; Генкузена Спб. с. п. 286 ст. ул.; Заѣбскаго Одесск. с. п. 283 ст. ул.; Бондаренки Бѣск. м. с. 142 ст. ул.; Мальцева Тифлисск. с. п. 1655 ст. ул.; Чечулина и др. Тифлисск. с. п. 236 ст. ул.; Эльчанарова Тифлисск. с. п. убійство; Вайнгартена и Вайцмана Люблинск. 1 окр. м. с. 102 ст. ул.; Мосмана Кѣлецк. 2 окр. м. с. кража; Вальтрушайтиса Сувалск. 2 окр. м. с. 129 ст. ул.; Опенгейма Сувалск. 2 окр. м. с. 128 ст. ул.; Ялкевича Кѣлецк. 2 окр. м. с. по обв. Вспанялаго и др. по 142 ст. ул.; Агреса Сѣдлецк. 2 окр. м. с. 142 ст. ул.; Ванаса и Ласкаго Петроковск. 3 окр. м. с. 135 ст. ул.; Унѣсла Плоцк. 1 окр. м. с. 129 ст. ул.; Рашевскаго Калишск. 2 окр. м. с. клевета; Гольдмерштейна Кіевск. с. п. 1535 ст. ул.; Самаровой Кіевск. с. п. по обв. Калиновскаго и ея по 994 ст. ул.; Каминскаго Кіевск. с. п. 354 ст. ул.; Лагутина Московск. с. п. 286 ст. ул.; Серебренникова Иркутск. с. п. 1533 ст. ул.; Сухаревича Владикавказск. м. с. 173 ст. ул.; Явинскаго Сѣдлецк. 1 окр. м. с. по обв. Яблонки въ кражѣ; Манторскаго Варшавск. 1 окр. м. с. укрывает. краденаго; Кифера Петроковск. 3 окр. м. с. 116 ст. ул.; Бѣльскаго Петроковск. 1 окр. м. с. 172 ст. ул.; Карчмарчика Петроковск. 1 окр. м. с. 172 ст. ул.

Предложеніе oberъ-прок. о возоб. дѣла о Шабелѣ.

Протестъ тов. прок. на Московск. с. п. по обв. Стекольщикова по 1659 ст. ул.

На 24 ноября, по Гр. Насс. Деп.

Палатскія: Варшавской конторы государств. банка съ Моргенштерномъ; Кушелей съ земскимъ кредитнымъ общ.; Варшавской конторы государств. банка съ Вейсманомъ; попечителя Варшавскаго учебн. округа и магистрата г. Варшавы съ наследниками Косовской; Калишской казенной палаты съ Калишскимъ божицкимъ доворомъ; бар. Вольфа; Леви и Гермера съ Воттъ.

Създовья: Гловацкаго съ упр. Собственнымъ Его Императорскаго Величества имѣніемъ „Острова“; Старыкашкина съ Овечкиной и Старыкашкинымъ; Зюлковскаго съ Велискимъ; Витеро съ Витеръ; Спанялой съ Кухарскимъ и Палка; Стельмашукъ.

На 24 ноября, по I отд. Гр. Насс. Деп.

Палатскія: Зимелева съ Бенедато 2 дѣла; Шмелева съ общ. кр. д. Ситово; Макарова съ Золотаревымъ; Трукова съ Колчинскимъ; Коробовой съ Степуриной; Романовой съ Игнатьевымъ.

Създовья: Блоха и Жуховецкаго съ Рохлиной; Большакова съ Лопатиннымъ; Морозовыхъ съ Антоновой; Коренцова съ Ивановымъ; Франка съ Критскимъ; Федорова съ Федоровой; Квятковскаго съ Пашкевичъ; Шуухальтера съ общ. Чельничскихъ сахарн. заводовъ; фонъ-Дена съ Коссовскимъ; Прокопенковой и др. съ Борцовскимъ; Вилковой съ Кетцлеръ; Козловскихъ и др. съ Ждановичемъ; Золиной съ Золинскимъ и др.; Турчевича съ Жижки; Чудовскаго съ Чудовскимъ; Рахлевича съ Петрашкомъ; Гулевскаго съ Добрыниной; Совѣтовой съ Филиповымъ; Райко съ Столерманъ; Быкова съ Хохровымъ; кр. д. Охматова съ Rogozинскимъ; лив. ком. Орловск. общ. взаимн. кред. съ Ячевскимъ; Лисовой съ Костырло; Лиходѣдова съ Поповымъ; Якуты съ Якутомъ; Лисогурскаго съ Вайракомъ; Васильковской гор. упр. съ Лучицкой; Бодовскаго съ Вѣнцковскимъ; Хазанова съ Моделемъ; Филиновича съ фонъ-Ромеръ; акц. общ. Жирардовскихъ мануфактуръ „Гилде и Дитрихъ“ съ Фрумсономъ; Моховой съ Буялинымъ; Титровой съ Хасабовымъ; Ситникова съ Ситниковымъ; Мартинова съ Васильевой и др.; Повзнера съ Браудо; Гуридина съ Суворовой.

На 25 ноября, по 2 отд. Гр. Насс. Деп.

Палатскія: Тальминскаго съ Акоповымъ; Донико-Юрдаско; Камышинскихъ городского общ. и Александровской богадѣльни съ Юрданомъ, Мишко и Щербиннымъ; Меледи съ Димантомъ и кн. Вяземской; Чухурипъ съ Крыжановскимъ; фонъ-Вильвертъ съ Жукоскими; Ясинскаго съ Ясинскимъ;

Югансона съ Рѣдко-Кузьминскимъ с. общ.; Асодулаева съ Шощдановымъ; Семенова съ Бузиними и Семеновою-Бойчужской.

Създовья: Петренка съ Твердохлѣбовымъ; Черешко съ Черешко и Вѣлавинымъ; Флексора съ Вудомъ; Шифмановича съ Граблисомъ; Серебрянникова съ Кукунчиковымъ; Домбровскаго съ Сааковымъ; Шиманской и другія съ Адабашевыми; Михайлова съ Апостолоду; Певмыака съ общ. ст. Камышеватокой; Данишевскаго съ Данишевскими; Евангулова съ общ. ст. Шелковской; Вовыкина съ Гвоздевымъ; Ханженкова съ Сѣдымъ; Телелейка съ Усатымъ; Эрлика съ Грибановой; Темме съ Ничипоренковой; Марсалова съ Трандеприловымъ; Тодаровской съ Гончаровой; Малаго съ Замулою; Полякова съ Ермоловой; Ширкова съ Бѣлугинымъ; Крапивникова съ Гордиеномъ и Валласомъ; Мазурова съ Шмелевымъ; Плотнокова съ Гавриловымъ; Буткевича съ Конопинскимъ; Рыкова съ Свѣтовымъ; Сергѣевой съ Трапезниковой; Цупикова и Митѣкевича съ Вурштейномъ; Тободкиннихъ съ Егоровымъ; Гольдеруса съ Загоскинымъ; Загладина съ Смирновой; Рѣзника съ Лотерманомъ и Молдавскимъ; Гатова съ Држедецкимъ; Марченка съ Любенецкимъ; Кравчука съ Оксенгендеромъ; Лазарева съ Затрапенцовой; Лебедева и Дюринскаго съ Можановскимъ; Дунаевского съ Коншвецкой; Стельмаховича съ Юркевичемъ; Шашковскаго съ Федоровымъ, Ивановымъ и друг.

На 25 ноября, по 3 отд. Гр. Насс. Деп.

Палатскія: правд. Московск. окр. путей сообщ. съ Членовымъ; Михайловыхъ; Померанцева и др.; Михайловой съ Листопадовымъ; Ильманина съ Гедройцъ, Коссовой; Красильникова съ кн. Черкасской; Бравого съ Кунцевичемъ и др.

Създовья: Синоухаева съ Нитабухомъ; Архангельской гор. упр. съ т. л. „Братья С. и М. Кыркаловы“; Жбукова съ Розановымъ; Коссовой съ Стукаличъ и др.; Пеєка съ Макаровымъ; Штейна съ Ваховскимъ; Граника съ Визенбергомъ; тов. Яковлевской мануфактуры „Василій Дородновъ снчюва“ съ Снекторъ-Сливакъ; Вахтуриной съ Федединъ 2 дѣла; Кеснофютова съ Латониннымъ; Скоропекина съ Выс. утв. тов. „Эйнемъ“; Гольшина съ Падиной; Сухого съ Пачковскимъ; Полянекаго съ Вабошинымъ; Павличенко съ Ногаевымъ 2 дѣла; Калашниковскаго пиво-медовареннаго зав. съ обществомъ пиво-медовареннаго завода „Новая Ваварія“; Лембе съ Трюкъ; Михалевицъ съ Гончаренко; Злобина съ Лелюкомъ; Шнеорова съ Лагори; Суслонцова съ общ. кр. с. „Вольныхъ трубицъ“; Радзюнскаго съ тов. „Вр. А. и И. Урусовы“; Тепляковой съ Ишковымъ; Леонтьевой съ Шуйской; Сильченко съ Самусъ; Пронина съ Матулевичемъ и др.; Деппцова съ Мняевымъ; Чолока съ Романовымъ.

На 27 ноября, по 4 отд. Гр. Насс. Деп.

Палатскія: Сонцевой съ Московскимъ город. кредитн. общ. и Соколовой; Молчанова и Московскаго город. кредитн. общ. съ Колесовымъ; Гольдштейна съ Гольштейномъ; Гаде съ Хрущевскимъ; Геппенеръ съ Фрезе и-др.; Либавской сбер. кассы съ Готау, Макенъ, Эверманъ и др.; Войцѣховскаго съ Кунце; упр. старшинъ Варшавскаго купечества съ Райхомъ; Варшавскаго окр. интендантскаго упр. съ Фельсомъ.

Създовья: банкирскаго фирмы „А. Гольдфедедь“ съ фирмою „М. Вейсбремъ и Маделъвейгъ“; Домановича съ Шайнбергъ; Вислицкаго съ Розенфельдъ; Шмидке съ Мальки; Фишера съ Говронскимъ и Тышко; Зюлковскаго съ Соходкимъ; Цѣлягъ съ Ческо; Зауера съ Хеблеромъ; Геверца съ Хмѣльницкимъ; Рубинштейна съ Паевскимъ; Ворчеко съ Карши и Пулки; Иосковачъ съ Виленскимъ и Иосковымъ; Лиллиенталя съ Эбергардомъ; Микельсона съ Микельсономъ; Афе съ Свербеевымъ; Саммель, Кертъ и др. съ Тенискомъ; Петерсонъ съ Плавинъ; Рослендера съ Медлангомъ; Зирченскаго волости общ. съ бар. Рение; Рекстинга съ Курляндскимъ дворянствомъ; Вошвехтеръ съ Траумкомъ; Гефлингера съ Куртугомъ, гр. Плятеръ-Зиберта съ Грипноккомъ; Савкиннихъ съ Грависомъ; Бринмана съ Лещинскимъ и Бердѣю; Хойницкаго съ Злотковскимъ; Ляндау съ Ваумъ; Доманскаго съ Мотацкимъ и Бутлеромъ; Мильграма и Сливки съ Мазурекъ и др.; Шиманскихъ съ Генделемъ; Новицкаго съ Суликкомъ; Влома съ Энделемъ; Энде съ Врублевскимъ; Мочна съ Фрейтагъ.